

Владимир МАЯКОВСКИЙ

**ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ
ЛЕНИН**

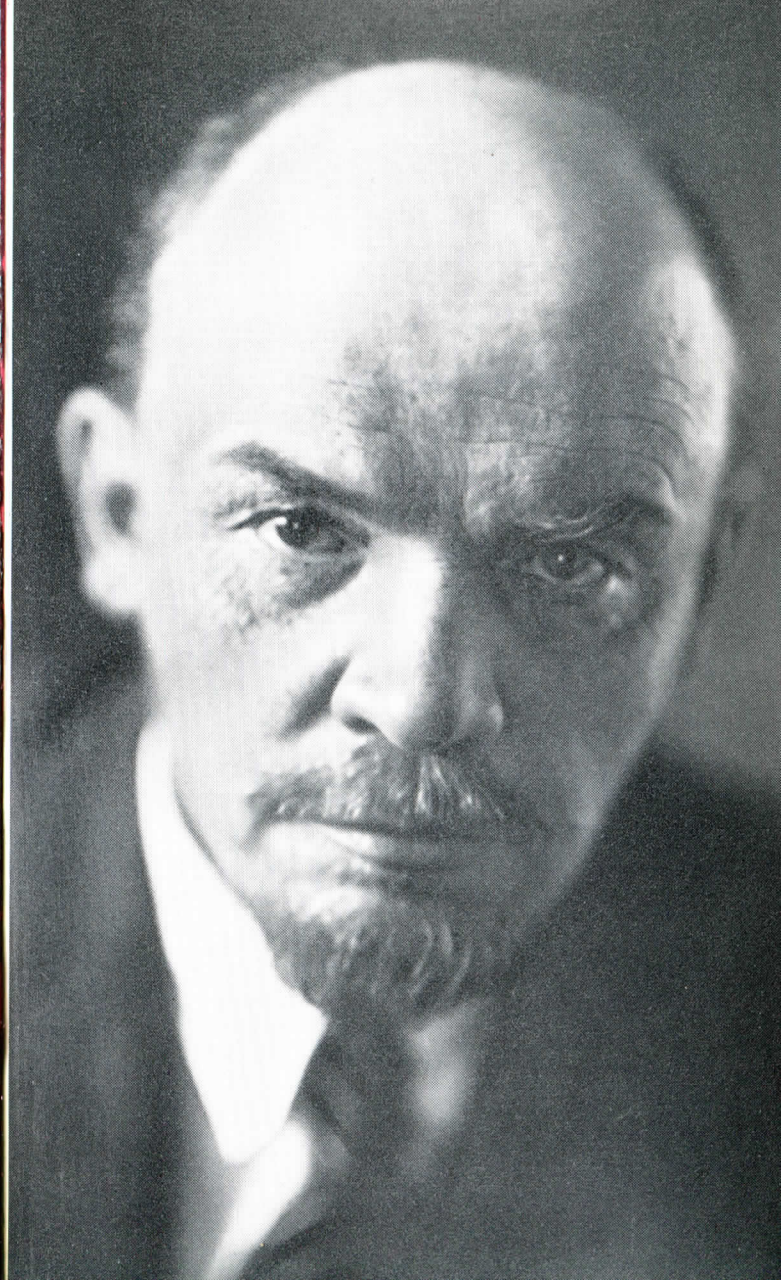
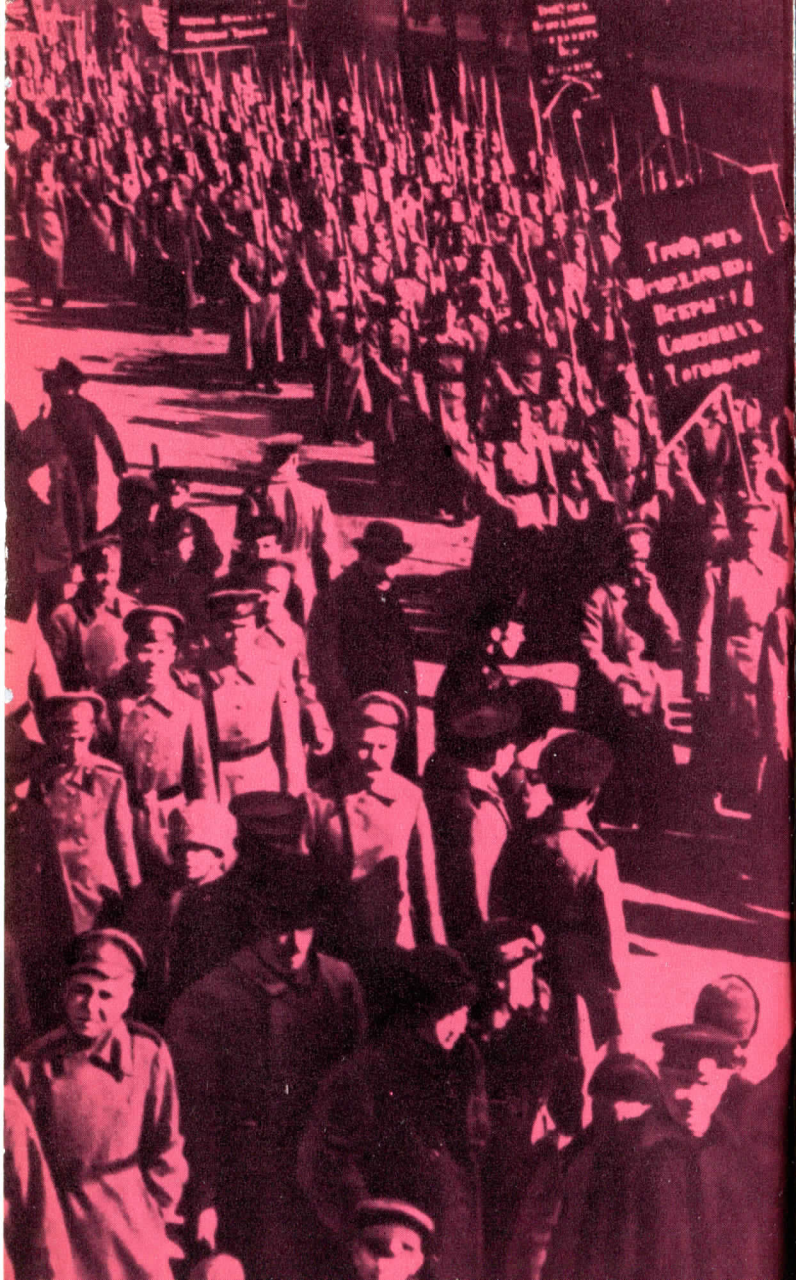
Издательство Прогресс
Москва

Vladimir MAYAKOVSKY

**VLADIMIR ILYICH
LENIN**

**Progress Publishers
Moscow**

**Российской
коммунистической партии
посвящаю**

**To the Russian
Communist Party
I dedicate this poem**

ВРЕМЯ —
                  начинаю
                                про Ленина рассказ.
Но не потому,
                  что горя
                                нету более.
время
                  потому,
                                что резкая тоска
стала ясною
                                осознанною болью.
Время,
                  снова
                                ленинские лозунги развихрь.
Нам ли
                  растекаться
                                слёзной лужею, —
Ленин
                  и теперь
                                живее всех живых.
Наше знание —
                  сила
                                и оружие.

THE TIME HAS COME.

                                I begin
  the story of Lenin.
Not
                  because the grief
                                is on the wane,
but because
                                the bitter anguish
  of that moment
has become
                                a clear-cut,
  weighed and fathomed pain.
Time,
                  speed on,
                                spread Lenin's slogans in your whirl!
Not for us
                                to drown in tears
  whatever happens.
There's no one
                                more alive
  than Lenin in the world,
our strength,
                                our wisdom,
  surest of our weapons.

люди — лодки.

Хотя и на суше.

Проживёшь

своё

пока,

много всяких

грязных ракушек

налипает

нам

на бока.

А потом,

пробивши

бурю разозлённую,

сядешь,

чтобы солнца близ,

и счищаешь

водорослей

бороду зелёную

и медуз малиновую слизь.

Я

себя

под Лениным чищу,

чтобы плыть

в революцию дальше.

PEOPLE

are boats,

although on land.

While life

is being roughed

all species

of trash

from the rocks and sand

stick

to the sides of our craft.

But then,

having broken

through the storm's mad froth,

one sits

in the sun

for a time

and cleans off

the tousled seaweed growth

and oozy

jellyfish slime.

I

go to Lenin

to clean off mine

to sail on

with the revolution.

Я боюсь
     этих строчек тыщи,
 как мальчишкой
     боишься фальши.
 Рассияют головою венчик,
 я тревожусь,
     не закрыли чтоб
 настоящий,
     мудрый,
             человечий
 ленинский
     огромный лоб.
 Я боюсь,
     чтоб шествия
             и мавзолей,
 поклонений
     установленный статут
 не залили б
     приторным елеем
 ленинскую
     простоту.
 За него дрожу,
     как за зеницу глаза,
 чтоб конфетной
     не был
             красотой оболган.

I fear
     these eulogies
             line upon line
 like a boy
     fears falsehood and delusion.
 They'll rig up an aura
             round any head;
 the very idea—
     I abhor it,
 that such a halo
             poetry-bred
 should hide
     Lenin's real,
             huge,
             human forehead.
 I'm anxious that rituals,
             mausoleums
                     and processions,
 the honeyed incense
             of homage and publicity
 shouldn't
     obscure
     Lenin's essential
 simplicity.
 I shudder
     as I would
             if condemned to die
 lest Lenin
     be falsified
             by tinsel beauty.

Голосует сердце —
я писать обязан
по мандату долга.

Вся Москва.
Промёрзшая земля
дрожит от гуда.
Над кострами
обмороженные с ночи.
Что он сделал!
Кто он
и откуда!
Почему
ему
такая почеть!
Слово за словом
из памяти таская,
не скажу
ни одному —
на место сядь.
Как бедна
у мира
слова мастерская!
Подходящее
откуда взять!
У нас
семь дней,
у нас
часов — двенадцать.
Не прожить
себя длинней.

Write!—
votes my heart,
commissioned by
the mandate
of duty.

All Moscow's
frozen through,
yet the earth quakes with emotion.
Frostbite
drives its victims
to the fires.
Who is he?
Where from?
Why this commotion!
Why such honours
when a man expires!
Dragging word by word
from memory's coffers
won't suit either me
or you who read.
Yet what a meagre choice
the language-workshop offers!
Where to get
the very words we need!
We've
seven days
to spend,
twelve hours
for diverse uses.
Life must begin—
and end.

Смерть
     не умеет извиняться.
 Если ж
     с часами плохо,
 мала
     календарная мера,
 мы говорим —
     «эпоха»,
 мы говорим —
     «эра».
 Мы
     спим
     ночь.
 Днём
     совершаем поступки.
 Любим
     свою толочь
 воду
     в своей ступке.
 А если
     за всех смог
 направлять
     потоки явлений,
 мы говорим —
     «пророк»,
 мы говорим —
     «гений».

Death won't accept
     excuses.
 But if
     it's no more
     a matter of hours,
 If the calendar measure
     falls short,
 "Epoch"
     is a usual
     comment of ours,
 "Era" or something
     of the sort.
 We
     sleep
     at night,
 busy
     around
     by day,
 each grinds his water
     in his own pet mortar
 and so
     fritters life away.
 But if,
     single-handed,
     somebody can
 turn the tide
     to everyone's profit
 we utter
     something
     like "Superman",
 "Genius"
     or "Prophet".

У нас
     претензий нет, —
 не зовут —
     мы и не лезем;
 нравимся
     своей жене,
 и то
     довольны донёльзя.
 Если ж,
     телом и духом слит,
 прёт
     на нас непохожий,
 шпилим —
     «царственный вид»,
 удивляемся —
     «дар божий».
 Скажут так, —
     и вышло
         ни умно, ни глупо.
 Повисят слова
     и уплывут, как дымы.
 Ничего
     не выколупишь
         из таких скорлупок.
 Ни рукам
     ни голове не ощутимы.
 Как же
     Ленина
         таким аршином мерить!
 Ведь глазами
     видел
         каждый всяк —

We
     don't ask much of life,
 won't budge an inch
         unless required,
 to please
         the wife
 is the utmost
         to which we'll aspire.
 But if,
         monolithic
         in body and soul,
 someone
         unlike us
         emerges,
 we discover
         a god-like aureole
 or appendages
         equally gorgeous.
 Tags and tassels
         laid out on shelves,
 neither silly
         nor smart—
         no weightier than smoke.
 Go
     scrape meaning
         out of such shells—
 empty as eggs
         without white or yolk.
 How, then, apply
         such yardsticks to Lenin
 when anyone could see
         with his very own eyes:

«эра» эта
                   проходила в двери,
 даже
                   головой
                   не задевая о косяк.
 Неужели
                   про Ленина тоже:
 «вождь
                   милостью божьей»!
 Если б
                   был он
                   царствен и божествен,
 я б
                   от ярости
                   себя не поберёг,
 я бы
                   стал бы
                   в перекоре шествий,
 поклонениям
                   и толпам поперёк.
 я б
                   нашёл
                   слова
                   проклятья громоустого,
 и пока
                   растоптан
                   я
                   и выкрик мой,
 я бросал бы
                   в небо
                   богохульства,

that "era"
                   cleared doorways
                   without even bending,
 wore jackets
                   no bigger
                   than average size.
 Should Lenin, too,
                   be hailed by the nation
 as "Leader
                   by Divine Designation"?
 Had he
                   been kingly or godly indeed
 I'd never spare myself,
                   on protest bent;
 I'd raise a clamour
                   in hall and street
 against the crowds,
                   speeches,
                   processions
                   and laments.
 I'd find
                   the words
                   for a thundering condemnation,
 and while
                   I'd be trampled on,
                   I and my cries,
 I'd bomb
                   the Kremlin
                   with demands
                   for resignation,

по Кремлю бы
                     бомбами
                                 метал:
   до л о й!

Но тверды
                     шаги Дзержинского
                                 у гроба.

Нынче бы
                     могла
                                 с постов сойти Чека.

Сквозь миллионы глаз,
                                 и у меня
   сквозь оба,
 лишь сосульки слёз,
                                 примёрзшие
   к щекам.

Богу
                     почести казённые
                                 не новость.

Нет!
                     Сегодня
                                 настоящей болью
   сердце холодей.

Мы
                     хороним
                                 самого земного
 изо всех
                     прошедших
                                 по земле людей.

Он земной,
                     но не из тех,
                                 кто глазом

hurling
                     blasphemy
                                 into the skies.

But calm
                     by the coffin
                                 Dzerzhinsky!
   appears.

Today
                     he could easily
                                 dismiss
   the guard.

In millions of eyes
                                 shines nothing
   but tears,
 not running down cheeks,
                                 but frozen hard.

Your divinity's decease
                                 won't rouse a mote of feeling.

No!
                     Today
                                 real pain
   chills every heart.

We're burying
                     the earthliest
                                 of beings
 that ever came to play
                                 an earthly part.

Earthly, yes;
                     but not the grovelling kind

упирается
         в своё корыто.
 Землю
         всю
         охватывая разом,
 видел
         то,
         что временем закрыто.
 Он, как вы
         и я,
         совсем такой же,
 только,
         может быть,
         у самых глаз
 мысли
         больше нашего
         морщият кожей,
 да насмешливей
         и твёрже губы,
         чем у нас.
 Не сатрапия твёрдость,
         триумфаторской коляской
 мнущая
         тебя,
         подёргивая вожжи.
 Он
         к товарищу
         милел
         людскою лаской.
 Он
         к врагу
         вставал
         железа твёрже.

who'll never peer
         beyond the precincts of their sty.
 He took in
         all the planet
         at a time,
 saw things
         out of reach
         for the common eye.
 Though like you and I
         in every detail,
 his forehead rose
         a taller,
         steeper tower;
 the thought-dug wrinkles
         round the eyes
         went deeper,
 the lips looked firmer,
         more ironical
         than ours.
 Not the satrap's firmness
         that'll grind us,
 tightening the reins,
         beneath a triumph-chariot's wheel.
 With friends
         he'd be
         the very soul of kindness,
 with enemies
         as hard
         as any steel.

Знал он
                   слабости,
                   знакомые у нас,
 как и мы,
                   перемогал болезни.
 Скажем,
                   мне бильярд —
                   отращиваю глаз,
 шахматы ему —
                   они вождам
                   полезней.
 И от шахмат
                   перейдя
                   к врагу натурой,
 в люди
                   выведа
                   вчераших пешек строй,
 становил
                   рабочей — человеческой диктатурой
 над тюремной
                   капиталовой турой.
 И ему
                   и нам
                   одно и то же дорого.
 Отчего ж,
                   стоящий
                   от него поодаль,
 я бы
                   жизнь свою,
                   глупея от восторга,
 за одно б
                   его дыханье
                   отдал!!

He, too,
                   had illnesses
                   and weaknesses
                   to fight
 and hobbies
                   just the same as we have,
                   reader.
 For me it's billiards, say,
                   to whet the sight;
 for him it's chess—
                   more useful
                   for a leader.
 And turning
                   face about
                   from chess
                   to living foes,
 yesterday's dumb pawns
                   he led
                   to a war of classes
 until a human,
                   working-class dictatorship
                   arose
 to checkmate Capital
                   and crush its prison-castle.
 We and he
                   had the same ideals to cherish.
 Then why is it,
                   no kin of his,
                   I'd welcome death,
 crazy with delight,
                   would gladly perish
 so that he might draw
                   a single breath!

Да не я один!
                     Да что я
                                 лучше, что ли!!
 Даже не позвать,
                     раскрыть бы только рот —
 кто из вас
                     из сёл,
                                 из кожи вон,
   из штолен
 не шагнёт вперёд!!
 В качке —
                     будто бы хватил
   вина и горя лишку —
 инстинктивно
                     хоронюсь
                                 трамвайной сети.
 Кто
                     сейчас
                                 оплакал бы
   мою смертишку
 в трауре
                     вот этой
                                 безграничной смерти!
 Со знамёнами идут,
                     и так.
                                 Похоже —
 стала
                     вновь
                                 Россия кочевой.
 И Колонный зал
                     дрожит,
                                 насквозь прохожен.
 Почему!

And not I alone.
                     Who says I'm better than the rest!
 Not a single soul of us,
                     I reckon,
 in all the mines
                     and mills
                                 from East
   to West
 would hesitate
                     to do the same
                                 at the slightest beckon.
 Instinctively,
                     I shrink
                                 from tram-rails
   to quiet corners,
 giddy
                     as a drunk
                                 who sees the lees.
 Who would mind
                     my puny death
                                 among these mourners
 lamenting
                     the enormousness
                                 of his decease!
 With banners
                     and without,
                                 they come,
   as if all Russia
 had again
                     turned nomad for a while.
 The House of Unions²
                     trembles with their motion.
 What can be the reason?

Зачем
 и отчего!
 Телеграф
 охрип
 от траурного гуда.
 Слёзы снега
 с флажных
 покрасневших век.
 Что он сделал,
 кто он
 и откуда —
 этот
 самый человечный человек!

Коротка
 и до последних мгновений
 нам
 известна
 жизнь Ульянова.
 Но долгую жизнь
 товарища Ленина
 надо писать
 и описывать заново.
 Далеко давным,
 годов за двести,
 первые
 про Ленина
 восходят вести.
 Слышите —
 железный
 и лужёный,

Wherefore!
 Why!
 Snow-tears
 from the flags' red eyelids
 run.
 The telegraph's gone hoarse
 with humming mournful rumours.
 Who is he!
 Where from!
 What has he done,
 this man,
 the most humane
 of all us humans!

Ulyanov's short life
 is well known
 to men in
 every country
 among every race.
 But the longer biography
 of Comrade Lenin
 has still
 to be written,
 rewritten
 and retraced.
 Far,
 far back,
 two hundred years or so,
 the earliest beginnings
 of Lenin go.
 Hear those brazen,
 peremptory tones

прорезая
         древние века, —
 голос
         прадеда
                 Бромлея и Гужона —
 первого паровика!
 Капитал
         его величество,
                 некоронованный,
                         невенчанный.
 объявляет
         покорённой
                 силу деревенщины.
 Город грабил,
         грёб,
                 грабастал,
 глыбил
         пуза касс,
 а у станков
         худой и горбастый
 встал
         рабочий класс.
 И уже
         грозил,
                 взвивая трубы за небо:
 — Нами
         к золоту
                 пути мостите.
 Мы родим,
         пошлём,
                 придёт когда-нибудь
 человек,
         борец,

with their century-piercing motif!
 It's the grandfather
         of Bromley's and Goujon's,³
 the first
         steam locomotive.
 Capital,
         His Majesty,
                 uncrowned,
                         as yet unknown,
 declares
         the gentry's power
                 overthrown.
 The city pillaged,
         plundered,
                 pumped
 gold
         into the bellies
                 of banks,
 while at the workbenches,
         lean and humped,
 the working class
         closed ranks.
 And already threatened,
         rearing smokestacks
                 to the sky,
 "Pave your way with us
         to fortunes,
                 grip us tighter!
 But remember:
         he is coming,
                 he is nigh,
 the Man,
         the Champion,

каратель,
 мститель! —
 И уже
 смешались
 облака и дымы,
 будто
 рядовые
 одного полка.
 Небеса
 становятся двойными,
 дымы
 забивают облака.
 Товары
 растут,
 меж нищими высясь.
 Директор,
 лысый чёрт,
 пощёлкал счётами,
 буркнул:
 «кризис!»
 и вывесил слово
 «расчёт».
 Крапило
 сласти
 мушиное сеево
 хлеба
 зерном
 в элеваторах портятся,
 а под витринами
 всех Елисеевых,
 живот подведя,
 плелась безработица.

the Avenger,
 the Fighter!"
 And already
 smoke and clouds
 get mixed together
 as when mutineers
 turn orderly detachments
 into crowds,
 until
 the tokens of a storm
 begin to gather—
 the sky brews trouble—
 ugly smoke invades the clouds.
 'Mid beggars
 a mountain of goods arises.
 The manager,
 bald beast,
 flips his abacus,
 blurts out "crisis!"
 and pins up a list:
 "DISMISSED: . . ."
 Fly-blown
 pastries
 in dustbins found graves,
 grain—
 in granaries
 with mildew cloyed,
 while past
 the windows
 of Yeliseyev's,⁴
 belly caved in,
 shuffled unemployed.

И бурчало
                   у трущоб в утробе,
 покрывая
                   детворинный плачик:
 — Под работу,
                   под винтовку ль,
                                   на —
   ладони обе!
 Приходи,
                   заступник
                                   и расплатчик! —

Эй,
                   верблюдов,
                                   открыватель колоний!
 Эй,
                   колонны стальных кораблей!
 Марш
                   в пустыни
                                   огня раскалённой!
 Пеньте пену
                   бумаги белей!
 Начинают
                   чёрным лататься
 оазисы
                   пальмовых нег.
 Вон
                   среди
                                   золотистых плантаций
 засеченный
                   вымычал негр:

And the call
                                   came rumbling
   from shack and slum,
 covering
                   the whimper of kiddies:
 "Come, protector!
                                   Redressor,
   come!
 And we'll go
                                   to battle
   or wherever you bid us!"

Hey,
                   camel,
                                   discoverer of colonies!
 Ahoy,
                   caravans
                                   of steel-hulled ships!
 March through the desert,
                                   sunsets following,
 cleave through the billows
                                   on east-bound trips!
 Shadows
                   of ominous
                                   ugly black
 start patching the sky
                                   over sun-kissed oases.
 Hear the Negro
                   with whip-lashed back
 muttering
                   among the bananas and maizes:

— У-у-у-у-у,
                     у-у-у!
                     Нил мой, Нил!
 Приплещи
                     и выплещи
                             чёрные дни!
 Чтоб чернее были,
                     чем я во сне,
 и пожар чтоб
                     крови вот этой красней.
 Чтоб во всём этом кофе,
                             враз вскипелом,
 вариться пузатым —
                     чёрным и белым.
 Каждый
                     добытый
                             слоновий клык —
 тык его в мясо,
                     в сердце тык.
 Хоть для правнуков,
                     не зря чтоб
                             кровью литься,
 выплыви,
                     заступник солнцелиций.
 Я кончаюсь, —
                     бог смертей
                             пришёл и поманил.
 Помни
                     это заклинанье,
                             Нил,
                                     мой Нил! —
 В снегах России,
                     в бреду Патагонии

"Oo-oo,
                     oo-oo,
                     Nile, my Nile!
 Splash up a day
                     like a crocodile,
 let it be blacker
                     than I at night
 with fire
                     like my blood,
                             as red
                                     and as bright,
 for the fattest bellies
                             both white
                                     and black
 to fry and sizzle,
                     to split and crack!
 Each
                     and every
                             ivory tusk
 hack and poke them
                             from dawn to dusk.
 Don't let me bleed in vain—
                             if only for descendants
 come,
                     O Sun-Faced,
                             deal out justice and defend us!
 I'm through;
                     the God of deaths won't wait—
                                     I've lived my while.
 Mind my incantation,
                             Nile, my Nile!"
 From snow-bound Russia
                             to sun-scorched Patagonia

расставило
                время
                    станки потогонные.

У Ивана́ва уже
                у Вознесенска
                                каменные туши

будоражат
                выкрики частушек:

      «Эх, завод ты мой завод,
      желтоглазина.
      Время нового зовёт
      Стеньку Разина».

Внуки
спросят:
— Что такое капиталист! —
Как дети
теперь:
— Что это
г-о-р-о-д-о-в-о-й!.. —
Для внуков
пишу
в один лист
капитализма
портрет родовой.
Капитализм
в молодые года
был ничего,
деловой парнишка:
первый работал —
не боялся тогда,

mechanical sweat-mills
                                went grinding
  and groaning.

In Ivanovo-Voznesensk,⁵
                                the loom-twirling city,
brickwork
       mammoths
                    shook with the ditty:

"Cotton-mill, my cotton-mill,
Gins and looms a-buzzin',
It's time, high time he came along,
Another Stenka Razin!"⁶

Grandsons will ask,
 "What does Capitalism mean?"
 just as kiddies
 today,
 "What's a Gendarme, Dad!"
 So here's
 capitalism
 as then he was seen,
 portrayed
 for grandsons
 full-size in my pad.
 Capitalism
 in his early years
 wasn't so bad—
 a business-like
 fellow.
 Worked like blazes—
 none of those fears

что у него
 от работ
 засалится манишка.
 Трико феодальное
 ему тесно!
 Лез
 не хуже,
 чем нынче лезут.
 Капитализм
 революциями
 своей весной
 расцвёл
 и даже
 подпевал «Марсельезу».
 Машину
 он
 задумал и выдумал.
 Люди,
 и те — ей!
 Он
 по вселенной
 видимо-невидимо
 рабочих расплодил
 детей.
 Он враз
 и царства
 и графства сжевал
 с коронами их
 и с орлами.
 Встучнел,
 как библейская корова
 или вол,
 облизывается.

that his snowy cravat
 would soil
 and turn yellow.
 Feudal fights
 felt too tight
 for the youngster;
 forged on
 no worse
 than we do these days;
 raised revolutions
 and
 with gusto
 joined his voice
 in the "Marseillaise".
 Machines he spawned
 from his own smart head
 and put
 new slaves
 to their service:
 million-strong broods
 of workers
 spread
 all over
 the world's surface.
 Whole kingdoms
 and counties
 he swallowed at a time
 with their crowns
 and eagles
 and suchlike ornaments,
 fattening up
 like the biblical kine,
 licking his chops,

Язык — парламент.
 С годами
     ослабла
         мускулов сталь,
 он раздобыл
     и распух,
 такой же
     с течением времени
         стал,
 как и его грассбух.
 Дворец возвёл —
     не увидишь такого!
 Художник
     — не один! —
         по стенам поёрзал.
 Пол ампиристый,
     потолок рококо́вый,
 стенки —
     Людовика XIV,
         Каторза.
 Вокруг,
     с лицом,
         что равно годится
 быть и лицом
     и ягодицей,
 задолицая
     полиция.

his tongue—
         parliament.
 But weaker
     with years
         his limb-steel became,
 he swelled up
     with leisure and pleasure,
 gaining in bulk
     and weight
         the same
 as his own
     beloved ledger.
 He built himself palaces
     ne'er seen before.
 Artists—
     hordes of 'em—
         went through their chores.
 Floors—
     à l'Empire,
         ceilings—
             Rococo,
 walls—
     Louis XIV,
         Quatorze.
 Around him
     with faces
         equally fit
 to be faces
     and the places
         on which they sit,
 keeping the peace,
     stood buttock-faced
         police.

И краске
     и песне
         душа глуха,
 как корове
         цветы
         среди луга.
 Этика, эстетика
         и прочая чепуха —
 просто —
         его
         женская прислуга.
 Его
     и рай
         и преисподняя —
 распродаёт
         старухам
 дырки
         от гвоздей
         креста господня
 и перо
         хвоста
         святого духа.
 Наконец,
     и он
         перерос себя,
 за него
         работает раб.
 Лишь наживая,
         жря
         и спя,
 капитализм разбух
         и обдряб.
 Обдряб

His soul
         to song
         and to colour insensate—
 like a cow
         in a meadow abloom with flowers—
 ethics
         and aesthetics
         his domestic utensils
 to be filliped with
         in idyllic hours.
 Inferno and paradise
         both his possession,
 he sells to old dames
         whose faculties fail
 nail-holes from the Cross,
         if so I may mention,
 and feathers
         from the Holy Spirit's
         tail.
 But finally
         he too
         outgrew himself
 living
         off the blood and sweat
         of the people.
 Just guzzling,
         snoozing
         and pocketing pelf,
 Capitalism
         got lazy and feeble.
 All blubber,
         he sprawled
         in History's way,

и лёг
у истории на пути
в мир,
как в свою кровать.
Его не объехать,
не обойти,
единственный выход —
взорвать!

Знаю,
лирик
скривится горько,
критик
ринется
хлыстиком выстегать:
— А где ж душа?!
Да это ж —
риторика!
Поэзия где ж!
Одна публицистика!! —
Капитализм —
неизящное слово,
куда изящней звучит —
«соловей»,
но я
возвращусь к нему
снова и снова.
Строку
агитаторским лозунгом взвей.
Я буду писать
и про то
и про это,

no
getting over
or past him.
So snug
in his world-wide
bed
he lay,
the one way out
was to blast him.

I know,
your critics'll
grip their whipsicks,
your poets'll go hysteric:
"Call that poetry!
Sheer publicism.
No feeling,
no nothing—
just bare rhetoric!"
Sure,
"Capitalism" rings
not so very elegant;
"Nightingale"
has a far more delicate sound.
Yet I'll go back to it
whenever relevant.
Let stanzas
like fighting slogans resound!
I've never
been lacking in topics—
you know it,

но нынче
не время
любовных ляс.

я
всю свою
звонкую силу поэта
тебе отдаю,
атакующий класс.
Пролетариат —
неуклюже и узко
тому,
кому
коммунизм — западня.
Для нас
это слово —
могучая музыка,
могущая
мёртвых
сражаться поднять.

Этажи
уже
заёжились, дрожа,
клич подвалов
подымается по этажам:
— Мы прорвёмся
небесам
в распахнутую синь
Мы пройдем
сквозь каменный колодец.

but now's
no time
for lovesick tattle.

All
my thundering power of a poet
is yours,
my class
waging rightful battle!
"Proletariat"
seems
too clumsy for using
to those
whom communism
throws into a fright.
For us, though,
it sounds
like mighty music
that'll rouse
the dead
to get up
and fight.

Sumptuous mansions
huddle closer, shivering.
Up their storeys
goes the cry of basements, quivering:
"We'll break free
into the sky's
wide-open blue,
out
of the abysmal stone blind alley.

Будет.
     С этих нар
         рабочий сын —
 пролетариатоводец. —
 Им
     уже
         земного шара мало.
 И рукой,
         отяжелевшей
                     от колец,
 тянется
         упитанная
                 туша капитала
 ухватить
         чужой горлец.
 Идут,
         железом
                 клацая и лацкая.
 — Убивайте!
         Двум буржуям тесно! —
 Каждое село —
         могила братская,
 городá —
         завод протезный.
 Кончилось —
         столы
                 накрыли чайные.
 Пирогом
         победа на столе.
 — Слушайте
         могил чревовещание,
 кастаньеты костылей!

He will come—
         a worker's son all through,
 a leader yet unborn,
         the proletariat to rally."
 Look,
         the world's already small for Capital's ambition;
 with his billion-dollar
         diamond-studded hands,
 doomed
         to dream of gain
                     until perdition,
 Capital
         goes grabbing other lands.
 Off they march,
         in clashing steel,
                     athirst for pillage.
 "Kill!"
         they shriek;
         two moneybags must come to clutches.
 Soldiers' graveyards
         blot out every village,
 each town
         becomes a workshop
                     making crutches.
 When it's over
         they lay their tables,
                     unfinicky.
 Victory's
         the cake they carve and share.
 But—
         hearken to the burial mounds' ventriloquy,
 to the castanets of bones
                     picked clean and bare.

Снова
     нас
         увидите
             в военной яви.
 Эту
     время
         не простит вину.
 Он расплещется,
         придёт он
             и объявит
 вам
     и вашинской войне
         войну! —
 Вырастают
     на земле
         слезы озёра,
 слишком
     непролазны
         крови топи.
 И клонились
     одиночки фантазёры
 над решением
     немыслимых утопий.
 Голову
     об жизнь
         разбили филантропы.
 Разве
     путь миллионам —
         филантропов тропы?
 И уже
     бессилен
         сам капиталист,

"You will see us once again
                     in war reality.
 Time will not forgive
                     the bloody crime.
 He is coming—
                     sage and leader—
                                 to declare
 war on you,
             to end war for all time."
 Lakes of tears
                     spread out
                                 to flood the globe.
 All too deep
                     grow blood-mires,
                                 all too copious.
 Till at last
             lone day-dreamers
                                 began to probe
 the probabilities
                     of fancy-bred utopias.
 But—
             philanthropists—
                                 they got their brain-pans cracked
 against the adamantine rock
                                 of actual fact.
 How could
             footpaths
                                 blazed by random spurts of brilliance
 serve as thoroughfares
                                 for all the suffering millions!
 Now Capitalism
                     himself,
                                 the blundering thief,

так
     его
         машина размахалась, —
 строй его
         несёт,
             как пожелтый лист,
 кризисов
         и забастовок хаос.
 — В чей карман
         стекаем
             золотою лавой!
 С кем идти
         и на кого пенять! —
 Класс миллионоглавый
 напрягает глаз —
         себя понять.
             ★
 Время
         часы
             капитала
                 кράло,
 побивая
         прожекторов яркость.
 Время
         родило
             брата Карла —
 старший
         ленинский брат
             Маркс.
 Маркс!
         Встаёт глазам
             седин портретных рама.

can't tame it,
         so his machine's wild tempo rises.
 His system's carried
         like a yellow
             wilfed leaf
 over the giddy ups and downs
                 of strikes and crises.
 What to make
         of all this
             gold-fed circus,
 whom to blame
         and on whose side
             to stand?
 The million-headed,
         million-handed
             class of workers
 strains its brains
         itself to understand.
             ★
 Capital's days
         were eroded and gnarled
 by time
         like steel is
             by electric arcs,
 till time
         gave birth
             to a man named Karl—
 Lenin's
         elder brother Marx.
 Marx!
         His portrait's grey-framed sternness
             grips one.

Как же
     жизнь его
         от представлений далека!
 Люди
     видят
         замурованного в мрамор,
 гипсом
         холодеющего старика.
 Но когда
         революционной тролксой
 первый
         делали
             рабочие
                 шажок,
 о, какой
         невероятной топкой
 сердце Маркс
         и мысль свою зажёл!
 Будто сам
         в заводе каждом
                 стоя стоймя,
 будто
         каждый труд
                 размозоливая лично,
 грабящих
         прибавочную стоимость
 за руку
         поймал с поличным.
 Где дрожали тельцем,
         не вздымая глаз свой
 даже
         до пупа
                 биржевика-дельца,

But what a gulf
         between impressions
                 and his life!
 What we see
         immured in marble
                 or in gypsum
 seems a cold old man
         long since past care and strife.
 But when the workers took—
         uncertain yet in earnest—
 the first short steps
         along their revolutionary path,
 into what a giant,
         blazing furnace
 Marx
         fanned up his mind and heart!
 As if he'd drudged whole shifts
         in every factory
                 himself
 and,
         callousing his hands,
                 each tool and job had handled,
 Marx caught
         the pilferers
                 of surplus value
                         with their pelt,
 red-handed.
 While others quailed,
         eyes dropped too low
                 in awe
 to peer up
         even as high
                 as a profiteer's umbilicus,

Маркс
 повёл
     разить
         войною классовой
 золотого
     до быка
         доросшего тельца.
 Нам казалось —
     в коммунизмовы затоны
 только
     волны случая
         закинут
             нас
                 юля.

Маркс
 раскрыл
     истории законы,
 пролетариат
     поставил у руля.
 Книги Маркса
     не набора гранки,
 не сухие
     цифр столбцы —
 Маркс
     рабочего
         поставил на ноги
 и повёл
     колоннами
         стройнее цифр.
 Вёл
     и говорил: —
         сражаясь лягте,
 дело —

Marx undertook
     to lead the proletariat
         into class war
 to slay the golden calf,
     by then a bull,
         immense and bellicose.
 Into the bay of communism,
     still fogged
         with blinding mystery,
 we thought
     the waves of chance alone
         could bring us
             from our hell.

Marx
 disclosed
     the deepest
         laws of history,
 put
     the proletariat
         at the helm.
 No,
     Marx's books
         aren't merely print and paper,
 not dust-dry manuscripts
     with dull statistic figures.
 His books
     brought order
         to the straggling ranks of labour
 and led them forward,
     full of faith and vigour.
 He led them
     and he told them:
         "Bleed in battles!

корректурa
                                выкладкам ума.
Он придёт,
                    придёт
                                великий практик,
поведёт
                    полями битв,
                                а не бумаг! —
Жерновами дум
                                последнее меля
и рукой
                    дописывая
                                восковой,
знаю,
            Марксу
                    виделось
                                видение Кремля
и коммуны
                    флаг
                                над красною Москвой.
Назревали,
                    зрели дни,
                                как дыни,
пролетариат
                    взрослел
                                и вырос из ребят.
Капиталовы
                    отвесные твердыни
валом размывают
                                и дробят.
У каких-нибудь
                    годов
                                на расстоянии

The proof of theories
                                are concrete deeds.
He'll come
                                one day,
                                the genius of practice,
and guide you on
                                from books
  to battlefields!"
As he wrote
                                his last
  with fingers trembling,
as the last thoughts
  flickered in his eyes,
I know,
                                Marx had a vision
  of the Kremlin
and the flag
                                of the Commune
  in Moscow's skies.
Like melons
                                the years
  came on in maturity.
Labour
                                grew out of childhood
  at length.
Capital's
                                bastions
  lost security
as the proletarian tide
  gained momentum and strength.
In a matter
                                of several years or so

сколько гроз
     гудит
         от нарастаний.
 Завершается
     восстанием
         гнева нарастание,
 нарастают
     революции
         за вспышками восстаний.
 Крут
     буржуев
         озверевший норов.
 Тьерами растерзанные,
         воя и стена,
 тени прадедов,
     парижских коммунаров,
 и сейчас
     вопят
         парижскую стеною:
 — Слушайте, товарищи!
         Смотрите, братья!
 Горе одиночкам —
         выучтесь на нас!
 Сообща взрывайте!
         Бейте партией!
 Кулаком
     одним
         собрав
         рабочий класс. —
 Скажут:
     «Мы вожди»,
         а сами —
             шаркунами!

inklings of gales
         into tempests grow.
 Uprisings break out
         as the climax of wrath,
 revolutions flare up
         in their aftermath.
 Curt
     and ruthless
         are the bourgeois' bestial ways;
 crushed
         by Thiers' and Galliffet's⁷
                 inhuman hammer,
 from Paris,
         from the wall
                 of Père Lachaise⁸
 the shadows
         of the Communards
                 still clamour:
 "Look and listen,
         comrades!
                 Learn
                 from our debacle!
 Woe to single fighters!
         Let our lesson
                 not be missed.
 Only by a party
         can the enemy be tackled,
 clenching
         all the working class
                 in one great fist!"
 "We leaders!"
         some'll say,
                 then turn about and sting.

За речами
шкуру
распознать умей!
Будет вождь
такой,
что мелочами с нами —
хлеба проще,
рельс прямой.

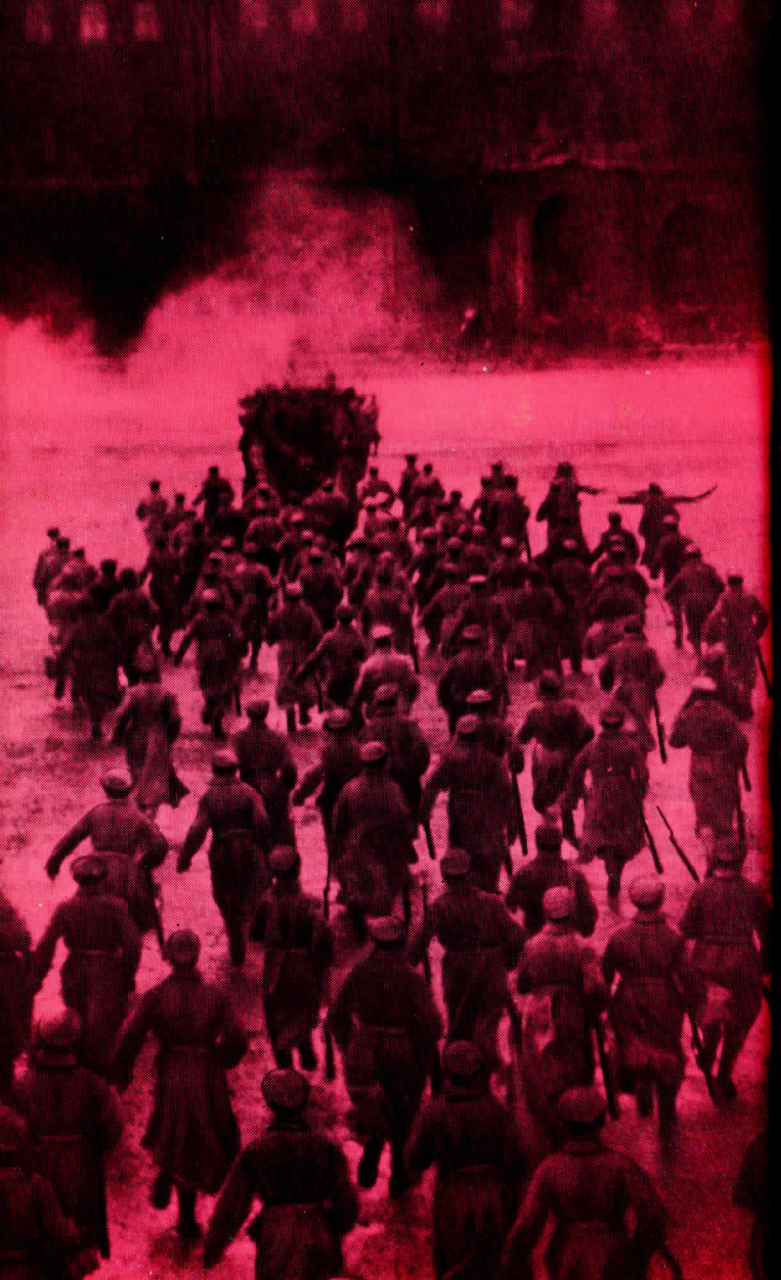
Смесью классов,
вер,
сословий
и наречий
на рублях колёс
землища двигалась.
Капитал
ежом противоречий
рос вовсю
и креп,
штыками иглясь.
Коммунизма
призрак
по Европе рыскал,
уходил
и вновь
маячил в отдаленьи...
По всему по этому
в глуши Симбирска
родился
обыкновенный мальчик
Ленин.

Learn to see
beneath the words
the spotted skin!
There'll be a leader
ours to the least thing,
straight as rails, simple as bread,
prepared to go through thick and thin.

A pot-pourri
of faiths and classes,
dialects
and conditions,
on wheels of gold
the great world
creaked along.
Capital,
a very hedgehog for contradictions,
bristling with bayonets,
waxed fat and strong.
The spectre of Communism
haunted Europe,
withdrew, then roamed again
throughout its girth.
For all these reasons
in Simbirsk,
half-way from Moscow
to the Urals,
Lenin,
a boy like any other,
came to birth.

Я ЗНАЛ РАБОЧЕГО.

Он был безграмотный.

Не разжевал

даже азбуки соль.

Но он слышал,

как говорил Ленин,

и он

знал — всё.

Я слышал

рассказ

крестьянина-сибирца.

Отобрали,

отстояли винтовками

и раем

разделали селеньице.

Они не читали

и не слышали Ленина,

но это

были ленинцы.

Я видел горы —

на них

и куст не рос.

Только

тучи

на скалы

упали ничком.

I KNEW A WORKER—

he was illiterate—

hadn't even tasted

the alphabet's salt,

yet he

had listened

to a speech by Lenin

and so

knew

all.

I remember a story

by a Siberian peasant;

they'd seized land,

held it

and worked it

into very heaven.

They'd never even heard,

much less read Lenin

but were Leninists

all,

from seven to seventy-seven.

I've been up mountains—

not a lichen on their sides,

just clouds

lying prone

on a rocky ledge.

И на сто вёрст
 у единственного горца
 лохмотья
 сияли
 ленинским значком.
 Скажут —
 это
 о булавках а́хи.
 Барышни их
 вкалывают
 из кокетливых причуд.
 Не булавка вколота —
 значком
 прожгло рубахи
 сердце.
 полное
 любовью к Ильичу.
 Этого
 не объяснишь
 церковными славянскими
 крюками,
 и не бог
 ему
 велел —
 избранник будь!
 Шагом человеческим,
 рабочими руками,
 собственною головой
 прошёл он
 этот путь.

The one
 living soul
 for hundreds
 of miles
 was a herdsman
 resplendent
 with Lenin's badge.
 Some'll call it
 a hankering for pins.
 Fit for girls—
 makes a frock
 look a bit more rich.
 But that pin'll scorch
 through shirts
 and skins,
 to the hearts
 brimful
 of devotion to Ilyich.
 Devotion
 not to be explained
 by churchmen's
 hooks and crooks;
 no God Almighty
 bade him
 be a saviour.
 Working
 step
 by step
 his way through life and books,
 he grew to be
 the teacher of world labour.

Сверху
     взгляд
         на Россию брось —
 рассинелась речками,
                     словно
 разгулялась
         тысяча розг,
 словно
         плетью исполосована.
 Но синей,
         чем вода весной,
 синяки
         Руси крепостной.
 Ты
     с боков
         на Россию глянь —
 и куда
         глаза ни кинь,
 улируются
         небу в склянь
 горы,
         каторги
             и рудники.
 Но и каторг
         больнее была
 у фабричных станков
                     кабала.
 Были страны
         богатые более,

Look down
         at Russia
                 from a flying plane.
 She's blue
         with rivers
                 as if
 lashed all over
                 with a willow cane
 or striped
         by a seven-tail whip.
 But bluer
         than a river
                 ever looks through its rushes
 were the bruises
                 of landlord-ridden
                                 Russia.
 Take a sidelong view
                 of the woebegone land:
 wherever
         you cast your eyes
 mountains,
         pit-heads
                 and prison-camps stand
 propping up
         her skies.
 But worse than jail,
                 worse than war in the trenches
 was the lot
         of those
                 who slaved at her benches.
 There were counfries
                 richer by far,
                                 I've heard,

красивее видал
и умней.

Но земли
с ещё большей болью
не довиделось
видеть
мне.

Да, не каждый
удар
сотрёшь со щёки.

Крик крепчал:
— Подымайтесь
за землю и волю вы!—

И берутся
бунтовщики-
одиночки
за бомбу
и за револьвер.

Хорошо
в царя
вогнать обойму!

Ну, а если
только пыль
взмётнёшь у колеса!!

Подготовщиком
цареубийства
пойман
брат Ульянова,
народоволец
Александр.

Одного убьёшь —
другой
во весь свой пыл

more beautiful,
                more sane,
but never have I met
                            in the whole wide world
a land
     so full
            of sorrow
                    and pain.
Yet pain and contempt
                    can't be borne
                            forever.

Land and Freedom!
                    the cry grew louder,
till lone rebels,
                believers
                    in individual terror
took to dynamite,
                bullets
                    and powder.

It's well
     to finish
                the tsar at a shot,
but that
            couldn't turn the tide.

And Lenin's brother
                Alexander
                    was caught
preparing
     regicide.

Shoot a tsar
            and another
                    with all his might

пытками
ушедших
переплюнуть тужится.
А Ульянов
Александр
повешен был
тысячным из шлиссельбуржцев.
И тогда
сказал
Ильич семнадцатигодовый —
это слово
крепче клятв
солдатом поднятой руки:
— Брат,
мы здесь
тебя сменить готовы,
победим,
но мы
пойдём путём другим! —

Оглядите памятники —
видите
героев род вы!
Станет Гоголем,
а ты
венком его величь.
Не такой —
чернорабочий,
ежедневный подвиг
на плечи себе
взвалил Ильич.

will strain
to break
the record in tortures.
And so
Alexander Ulyanov
one night
was hanged
by the light of Schlüsselburg torches.⁹
Then his brother,
a seventeen-year-old youth,
swore an oath
that was firmer
than any.
"Brother,
we'll take up
the battle for truth
and win,
but by other means,"
pledged Lenin.

Your usual hero—
look at the statues—
struts like a peacock:
"I'll show you
which is which!"
Not such was the feat,
arduous,
plain,
undramatic,
chosen
as the task of his life
by Ilyich.

Он вместе,
     учит в кузничной пасти,
 как быть,
     чтоб зарплата
                 взросла пятаком.
 Что делать,
     если
         дерётся мастер.
 Как быть,
     чтоб хозяин
                 поил кипятком.
 Но не мелочь
     целью в конце:
 победив,
     не стой так
 над одной
     сметённой лужею.
 Социализм — цель.
 Капитализм — враг.
 Не веник —
     винтовка оружие.
 Тысячи раз
     одно и то же
 он вбивает
     в тугой слух,
 а назавтра
     друг в друга вложит

Together with men
                 from the mills and mines
 he sought
         to raise wages
                 to a decent level,
 looked for ways
         of fighting
                 deductions and fines
 and teaching good manners
                 to a foreman-devil.
 But the struggle's
         not merely
                 for some such claim—
 to sweep up a puddle
                 and then go slow—
 satisfied
         by a trifle.
 No—
         Socialism's the aim,
 Capitalism
         the foe
 and the weapon
         no broom
                 but a rifle.
 The same things
         again
                 and again
                 and again
 he hammers down
         into the work-dimmed brain.
 And tomorrow
         those
                 who've at last understood

руки
     понявших двух.
 Вчера — четыре,
     сегодня — четыреста.
 Таимся,
     а завтра
         в открытую встанем,
 и эти
     четыреста
         в тысячи вырастут.
 Трудящихся мира
     подыдем восстанием.
 Мы уже
     не тише вод,
         травинки ниже —
 гнев
     трудящихся
         густится в туче.
 Режет
     молниями
         Ильичёвых книжек.
 Сыпет
     градом
         прокламаций и летучек.
 Бился
     об Ленина
         тёмный класс,
 тёк
     от него
         в просветленьи,
 и, обданный
     силой
         и мыслями масс,

pass it on
     and make
         the lesson good.
 Yesterday it was dozens,
         today it's hundreds,
 tomorrow
     thousands
         into action rousing,
 till the whole working world
         will start rumbling like thunder
 and break
     into an open uprising.
 We're no longer timid
         as newly-born lambkins;
 the workers' wrath
         condenses
             into clouds,
 slashed
     by the lightning
         of Lenin's pamphlets,
 his leaflets
     showering
         on surging crowds.
 The class
     drank its fill
         of Lenin's light
 and,
     enlightened,
         broke
             from the gloom of millennia.
 And in turn,
     imbibing
         the masses' might,

с классом
     рос
         Ленин.
 И уже
     превращается в быль
 то,
     в чём юношей
         Ленин клялся:
 — Мы
     не одиночки,
         мы —
             союз борьбы
 за освобождение
     рабочего класса. —
 Ленинизм идёт
     всё далее
         и более
 вширь
     учениками
         Ильичёвой выверки.
 Кровью
     вписан
         героизм подполья
 в пыль
     и в слякоть
         бесконечной Володимирки.
 Нынче
     нами
         шар земной заверчен.
 Даже
     мы,
         в кремлёвских креслах если, —

together with the class
                             grew Lenin.
 And gradually,
                             enriched
                                 by the fertile communion,
 they bring
                     young Vladimir's pledge
                                 to realisation,
 no longer
             each
                 on his own,
                     but a Union
 of Fighters
             for Working Class
                     Emancipation.¹⁰
 Leninism spreads
                     ever wider
                                 and deeper.
 Lenin's disciples
             work miracle after miracle,
 the underground's grit
                     traced in blood-drops
                                 seeping
 through the dust
                     and slush
                                 of the endless Vladimirk.¹¹
 Today
             we spin
                 the old globe
                     our way.
 Yet even
             when debating
                     in Kremlin armchairs

скольким
     вдруг
         из-за декретов Нерчинск
 кандалами
         раззвенится в кресле!
 Вам
     опять
         напомню птичий путь я.
 За волчком —
         трамваев
                 электрическая рысь
 Кто
     из вас
         решётчатые прутья
 не царапал
         и не грыз!!
 Лоб
     разбей
         о камень стенки тесной —
 за тобою
         смыли камеру
                 и замели.
 «Служил ты недолго, но честно
 на благо родимой земли».
 Полюбилась Ленину
         в какой из ссылок
 этой песни
         траурная сила!
                 ★
 Говорили —
         мужичок
                 своей пойдёт дорогой,

there's few
         won't suddenly recall a day
 filled
         with the groans
                 of chain-gang marchers.
 Remember
         the none-too-distant past:
 beyond the eye-hole
         trams, droshkies, cars....
 Who of you,
         let me ask,
 didn't bite
         and fear
                 at prison-bars!
 We could smash out
         our brains
                 on the walls weighing on us:
 all they did was mop up
         and strew sand.
         "It wasn't long but honest
         Your service to your land...."
 In which of his exiles
         did Lenin
                 get fond
 of the mournful power
         of that song!

The peasant—
         'twas urged—
                 would blaze his own tracks

заведёт
     социализм
         бесхитростен и прост.
 Нет,
     и Русь
         от труб
             становится сторогой.
 Город
     дымной бородой оброс.
 Не попросят в рай —
         пожалуйста,
             войдите —
 через труп буржуазии
         коммунизма шаг.
 Ста крестьянским миллионам
         пролетариат водитель.
 Ленин —
     пролетариев вожак.
 Понаобещает либерал
         или эсерик приткий,
 сам охочий до рабочих шей, —
 Ленин
     фразочки
         с него
             пооборвёт до нитки,
 чтоб из книг
         сиял
             в дворянском нагише.
 И нам
     уже
         не разговорцы досужие,
 что-де свобода,
         что люди братья, —

and set up socialism
         without hitch or wrangle.
 But no—
         Russia too
         goes bristling with stacks;
 black beards of smoke
         round her cities tangle.
 There's no god
         to bake us
             pies in the skies.
 The proletariat
         must head
             the peasant masses.
 Over capital's corpse
         Russia's highroad
             lies,
 with Lenin
         to lead
             the toiling classes.
 They'd promise heaps,
         wordy liberals and S.R.s,¹²
 themselves
         not loath
             to saddle workers' backs.
 Lenin made
         short work of their yarns,
 left them bare as babies
         in the blaze of facts.
 He soon disposed
         of their empty prattle
 full of "liberty",
         "fraternity"
             and suchlike words.

мы
 в марксовом всеоружии
 одна
 на мир
 большевистская партия.
 Америку
 пересекаешь
 в экспрессном купе.
 идёшь Чухломой —
 тебе
 в глаза
 вонзается теперь
 Р К П
 и в скобках
 маленькое «б».
 Теперь
 на Марсов
 охотится Пулковое,
 перебирая
 небесный ларчик.
 Но миру
 эта
 строчная буква
 в сто крат красней,
 грандиозней
 и ярче.
 ★
 Слова
 у нас
 до важного самого
 в привычку входят,
 ветшают, как платье.

Arming
 with Marxism,
 mustering for battle,
 rose the only
 Bolshevik Party
 in the world.
 Now,
 touring the States
 in a de luxe coupé,
 or footing it through Russia—
 wherever you be
 they meet you,
 the letters
 R.C.P.
 with their bracketed neighbour,
 B.¹³
 Today
 it's red Mars
 astronomers are hunting,
 telescopes
 scanning the sky from a high tower.
 Yet that modest letter
 on paper or bunting
 shines to the world
 ten times redder and brighter.

Words—
 even the finest—
 turn into litter,
 wearing threadbare
 with use and barter.

Хочу
 сиять заставить заново
 величественнейшее слово
 «ПАРТИЯ».
 Единица!
 Кому она нужна!!
 Голос единицы
 тоньше писка.
 Кто её услышит! —
 Разве жена!
 И то
 если не на базаре,
 а близко.
 Партия —
 это
 единый ураган,
 из голосов спрессованный
 тихих и тонких,
 от него
 лопаются
 укрепления врага,
 как в канонаду
 от пушек
 перепонки.
 Плохо человеку,
 когда он один.
 Горе одному,
 один не воин —
 каждый дюжий
 ему господин,

Today
 I want to infuse
 new glitter
 into the most glorious of words:
 PARTY.
 Individual—
 what can he mean
 in life!
 His voice
 sounds fainter
 than a needle dropping.
 Who hears him!
 Only, perhaps,
 his wife,
 and then if she's near
 and not out shopping.
 A Party's
 a raging,
 single-voiced storm
 compressed
 out of voices
 weak and thin.
 The enemy strongholds
 burst with its roar
 like eardrums
 when cannon
 begin their din.
 One man alone
 feels down and out.
 One man alone
 won't make weather.
 Any old bully
 can knock him about—

и даже слабые,
                                 если двое.
 А если
                                 в партию
   сгрúдились малые —
 сдайся, враг,
                                 замри
   и ляг!

Партия —
                                 рука миллионопалая,
 сжатая
                                 в один
   громающий кулак.
 Единица — вздор,
                                 единица — ноль,
 один —
                                 даже если
   очень важный —
 не подымет
                                 простое
   пятивершковое бревно.

тем более
                                 дом пятиэтажный.
 Партия —
                                 это
   миллионов плечи,
 друг к другу
                                 прижатые туго.

Партией
                                 стройки
   в небо взмечем,
 держа
                                 и вздымая друг друга.

even weaklings
                                 if many together. .
 But when
                                 we midgets
   in a Party stand—
 surrender,
                                 enemy,
   lie low
   and be quiet!

A Party's
                                 a million-fingered hand
 clenched
                                 into one fist
   of shattering might.
 What's an individual?
                                 Absurd—
   no good.

One man,
                                 even the most important of all,
 can't raise a ten-yard log of wood,
 to say nothing
                                 of a house
   ten stories tall.

A Party means millions
                                 of arms,
   brains,
   eyes
 linked
                                 and acting together.
 In a Party
                                 we'll rear our projects to the skies,
 upholding and helping
                                 one another.

Партия —
     спинной хребет рабочего класса.
 Партия —
     бессмертие нашего дела.
 Партия — единственное,
     что мне не изменит.
 Сегодня приказчик,
     а завтра
         царства стираю в карте я.
 Мозг класса,
     дело класса,
         сила класса,
             слава класса —
                 вот что такое партия.
 Партия и Ленин —
     близнецы-братья —
 кто более
     матери-истории ценен!
 Мы говорим Ленин,
     подразумеваем —
         партия,
 мы говорим
     партия,
     подразумеваем —
         Ленин.

The Party's
     the compass
         that keeps us on course,
 the backbone
     of the whole working class.
 The Party
     embodies
         the immortality of our cause,
 our faith
     that will never
         fail or pass.
 Yesterday an underling,
         today
         whole empires I'm uncharfing.
 The brain,
     the strength,
         the glory of its class,
             that's what it is,
                 our Party.
 Lenin
     and the Party
         are brother-twins.
 Who'll say
     which means more
         to History, their mother!
 Lenin
     and the Party
         are the closest kin;
 name one
     and you can't but imply
         the other.

Ещё
     горой
         коронованные главы,
 и буржуи
         чернеют
             как вороны в зиме,
 но уже
         горение
             рабочей лавы
 по кратеру партии
         рвётся из-под земель.
 Девятое января.
         Конец гапонщины.
 Падаем,
         царским свинцом косимы.
 Бредня
         о милости царской
             прикончена
 с бойней Мукденской,
         с треском Цусимы.
 Довольно!
         Не верим
             разговорам посторонним!
 Сами
         с оружием
             встали пресненцы.
 Казалось —
         сейчас
             покончим с тронном,

Crowns and coronets
             still galore,
 bourgeois
         still blacken
             like wintering crows.
 But labour's lava
             already starts to pour:
 see—
         through the Party's crater
             it flows.
 January 9.
         Gapon,¹⁴
             the "people's friend",
 debunked.
         We fall
             in the rifles' crackle.
 Tall tales
         about the tsar's royal mercy
             end
 with Mukden's bloodbath
             and Tsushima's
                 debacle.¹⁵
 Enough!
         No belief left
             for twaddle and twiddle.
 The Presnya¹⁶
         takes to arms,
             done with ballyhoo.
 It seemed
         the throne
             would soon snap across the middle

за ним
     и буржуево
         кресло треснется.
 Ильич уже здесь.
     Он изо дня на день
 проводит
     с рабочими
         пятый год.
 Он рядом
     на каждой стоит баррикаде,
 ведёт
     всего восстания ход.
 Но скоро
     прошла
         лукавая вестийка —
 «свобода».
     Бантики люди надели,
 царь
     на балкон
         выходил с манифестиком.
 А после
     «свободной»
         медовой недели
 речи,
     банты
         и пения плавные
 пушечный рёв
         покрывает басом:
 по крови рабочей
         пустился в плавание
 царев адмирал,
         каратель Дубасов.

and forthwith
         the bourgeois easy chair too.
 Ilyich is everywhere.
         Day after day
 he fights
         with the workers
                 through 1905,
 standing nearby
         on every barricade,
 innerving
         the revolution
                 with his vigour and drive.
 But soon
         came the treacherous trick:
                 Hey Presto!
 Red ribbons
         blossomed
                 like a virgin's cheek.
 The tsar
         from his balcony
                 read the Manifesto.¹⁷
 Then,
         after a "free" honey-week,
 the speeches,
         the singing,
                 the hooraying and hailing
 are covered
         by the treble bass of
 cannon:
         on the workers' blood goes sailing
 the tsar's butcher-admiral
                 Dubasov.¹⁸

Плюнем в лицо
                                 той белой слякоти,
 сюсюкающей
                                 о зверствах Чекà!
 Смотрите,
                                 как здесь,
   связавши зà локти,
 рабочих нàсмерть
                                 секли по щекам.
 Зверела реакция.
                                 Интеллигентчики
 ушли от всего
                                 и всё изгадили.
 Заперлись дома,
                                 достали свечки,
 ладан курят —
                                 богоискатели.
 Сам заскулил
                                 товарищ Плеханов:
 — Ваша вина,
                                 запутали, братьцы!
 Вот и пустили
                                 крови лохани!
 Нечего
                                 зря
   за оружие браться. —
 Ленин
                                 в этот скулёж недужный
 врезал голос
                                 бодрый и зычный:

Spit in the faces
                                 of white dross who fell us
 about the Cheka's¹⁹
                                 blood-dousings!
 They ought to have seen
                                 how, tied by the elbows,
 workers
                                 were whipped to death
   by thousands.
 Reaction ran amuck.
                                 Intellectual bunglers
 withdrew,
                                 recluses,
   and became the meekest,
 locked themselves in
                                 with blinking candles
 and smoked incense,
                                 god-damn God-seekers.²⁰
 Even Comrade Plekhanov²¹ himself
                                 raised a whine:
 "It's the Bolsheviks' fault;
                                 it's theirs, the muddle is.
 Shouldn't have taken up arms
                                 at the time
 and blood wouldn't swirl,
                                 as it does,
   in puddles."
 But here
                                 with his courage
   never failing
 Lenin
                                 cut
   into the traitors' wail:

— Нет,
за оружие
браться нужно,
только более
решительно и энергично.
Новых восстаний вижу день я.
Снова подымется
рабочий класс.
Не защита —
нападение
стать должно
лозунгом масс. —
И этот год
в кровавой пене
и эти раны
в рабочем стане
покажутся
школой
первой ступени
в грозе и буре
грядущих восстаний.

И Ленин
снова
в своём изгнании
готовит
нас
перед новой битвой.

"O yes we should have—
I'll repeat it daily—
only far more resolutely—
and wouldn't have failed.
I see
the hour of new upheavals arriving
again
to bring out
the working
classes.
Not defence
but attack
should become the driving
slogan
of the masses."
That nightmare year
with its bloody pool
and the massacre
of the workers'
insurgent millions
will pass
and appear
as preparatory school
for the hurricanes
of future rebellions.

And Lenin
once more
turns jail into college,
educating us
for the coming battle,

Он учит
     и сам вбирает знание,
 он партию
     вновь
     собирает разбитую.
 Смотри —
     забастовки
     вздывают год,
 ещё —
     и к восстанию сумеешь сдвинуться ты.
 Но вот
 из лет
     подымается
     страшный четырнадцатый.
 Так пишут —
     солдат-де
     раскурит трубку,
 балакать пойдёт
     о походах древних,
 но эту
     всемирнейшую мясорубку
 к какой приравнять
     к Полтаве,
     к Плевне!!
 Империализм
     во всём оголении —
 живот наружу,
     с вставными зубами,
 и море крови
     ему по колени —

teaching others,
     himself gaining knowledge,
 regathering the Party
     unmanned and scattered.
 Year after year
     the strikes scored higher:
 a spark
     and the people'll
     flare up again.
 But then
     came a year
     that put off the fire—
 1914
     with its deluge of pain.
 It's thrilling
     when veterans
     twirl their whiskers
 and, smirking,
     spin yarns
     about old campaigns.
 But this wholesale,
     world-wide
     auction of mincemeat—
 with what Poltava
     or Plevna²²
     will it compare!
 Imperialism
     in all
     his filth and mud,
 false teeth bared,
     growling and grunting,
 quite at home
     in the gurgling ocean of blood,

сжирает страны,
                     вздымая штыками.
 Вокруг него
                     его подхалимы —
 патриоты —
                     приспособились Вовы —
 пишут,
                     руки предавшие вымыв:
 — Рабочий,
                     дерись
                             до последней крови! —
 Земля —
                     горой
                             железного лома,
 а в ней
                     человечья
                             рвань и рвань.
 Среди
                     всего сумасшедшего дома
 трезвый
                     встал
                             один Циммервальд.
 Отсюда
                     Ленин
                             с горсточкой товарищей
 встал над миром
                             и поднял над
 мысли
                     ярче
                             всякого пожараща,
 голос
                     громче
                             всех канонад.

went swallowing up
                             country after country.
 Around him,
                     cozy,
                             social-patriots and sycophants,
 raising heavenwards
                             the hands
                                     that betray,
 scream like monkeys
                             till everyone's sick of it:
 "Worker—
                     go it—
                             on with the fray!"
 The world's
                     iron scrap-heap
                             kept piling
                                     and piling,
 mixed with minced man's-flesh
                             and splintered bone.
 In the midst
                     of all this
                             lunatic asylum
 Zimmerwald²³
                     stood sober alone.
 Ever remembered
                     is the speech Lenin made
 above the world uproar
                             raising on high
 a voice
                     far louder
                             than any cannonade,
 thoughts more inflaming
                             than any fire.

Оттуда —
                     миллионы
                     канонадою в уши,
 стотысячесабельной
                     конницы бег,
 отсюда,
                     против
                     и сабель и пушек, —
 «скуластый
                     и лысый
                     один человек.
 — Солдаты!
                     Буржуи,
                     предав и продав,
 к туркам шлют,
                     за Верден,
                     на Двину.
 Довольно!
                     Превратим
                     войну народов
 в гражданскую войну!
 Довольно
                     разгромов,
                     смертей и ран,
 у наций
                     нет
                     никакой вины.
 Против
                     буржуазии всех стран
 подыдем
                     знамя
                     гражданской войны! —

On one side
                     were millions
                     writhing in the labour
 of war
                     to bring would-be victory
                     forth,
 on the other—
                     against
                     both cannon and sabre—
 one man
                     of ordinary
                     stature and girth.
 "Soldiers!
                     The bourgeois
                     betray and sell you,
 send you to slaughter
                     as a thousand times before.
 Enough of it!
                     Hear what I tell you:
 Turn this war
                     among nations
                     into civil war.
 What are we,
                     peoples,
                     arguing for!
 Put an end
                     to catastrophes,
                     wounds
                     and losses.
 Raise the banner
                     of holy war
 against
                     the world-wide bosses!"

Думалось:
         сразу
         пушка-печка
 чихнёт огнём
         и сдует гнилью,
 потом поди,
         ищи человека,
 поди,
         вспоминай его фамилию.
 Глоткой орудий,
         шипевших и вывших,
 друг другу
         страны
         орут —
         на колени!
 Додрались,
         и вот
         никаких победивших —
 один победил
         товарищ Ленин.
 Империализма прорва!
 Мы
         истощили
         терпенье ангельское.
 Ты
         восставшею
         Россией прорвана
 от Тавриза
         и до Архангельска.
 Империя —
         это тебе не кúра!
 Клювастый орёл
         с двухглавою властью.

It looked as though,
                                 infernally booming,
 the cannon would sneeze
                                 and blow him away.
 Who'd ever find
                                 the fragile human?
 Who would remember
                                 his name!
 "Surrender!"
                                 one country
                                 roared
                                 to another.
 Looked as if they'd go on fighting
                                 for millennia.
 But at last it was over,
                                 and lo,
                                 no winners
 except for one—
                                 Comrade Lenin.
 Imperialism,
                                 damn you!
 You've exhausted our patience,
                                 once fit for angels.
 Rebellious Russia
                                 has rammed you
 through—
                                 from Tauris to Archangel.
 An empire's no hen—
                                 no joke bagging it,
 the two-headed,
                                 power-vested,
                                 hook-beaked eagle.

А мы,
     как докуренный окуроч,
 просто
     сплюнули
         их династью.
 Огромный,
     покрытый кровавою ржою,
 народ,
     голодный и голоштаный,
 к Советам пойдёт
     или будет
         буржую
 таскать,
     как и встарь,
         из огня каштаны!
 — Народ
     разорвал
         оковы царьи,
 Россия в буре,
     Россия в грозе, —
 читал
     Владимир Ильич
         в Швейцарии,
 дрожа,
     волнуясь
         над кипой газет.
 Но что
     по газетным узнаешь ключьям!
 На аэроплане
     прорваться б ввысь,
 туда,
     на помощь
         к восставшим рабочим, —

And yet
     we spat out
         like a finished fag-end
 their dynasty
         with all trappings,
                 regal and legal.
 The nation
     scrambling out of the mire,
 huge,
     famished,
         blood-crust all over it—
 would it go on
         dragging chestnuts from the fire
 for the bourgeois,
     or would it go Soviet?
 "The people
     have broken
         tsarist fetters.
 Russia's boiling,
     Russia's ablaze!"
 Lenin read
     in newspapers and letters
 in Switzerland
         where he lived those days.
 But what could one fish
         out of newsprint tatters!
 O,
     for an airplane
         skyward to speed—
 home,
     to the aid
         of the workers in battle—

одно желанье,
                                 единая мысль.
 Поехал,
                 покорный партийной воле,
 в немецком вагоне,
                                 немецкая пломба.
 О, если бы
                                 знал
                                 тогда Гогенцоллерн,
 что Ленин
                                 и в их монархию бомба!

Питерцы
                 всё ещё
                                 всем на радость
 лобзались,
                                 скакали детишками малыми,
 но в красной ленточке,
                                 слегка припарадясь,
 Невский
                 уже
                                 кишел генералами.
 За шагом шаг —
                                 и дойдут до точки,
 дойдут
                                 и до полицейского свиста.
 Уже
                                 начинают
                                 казать коготочки
 буржуи
                                 из лапок своих пушистых.

that
                 was his only longing and need.
 But at last
                                 at the Party's bidding
   he's on wheels.
 If only
                                 the murderous Hohenzollern²⁴ knew
 that the German goods waggon
   under German seals
 carried
                                 a bomb
   for his monarchy, too!

Petrograd citizens
                                 still kept skipping,
 exulting
                                 in glee ephemeral.
 But already,
                                 red-ribboned,
   in martial frippery,
 the Nevsky²⁵ swarmed
   with treacherous generals.
 Another few steps
                                 and they'll reach the limit:
 it'll come
                                 to policemen's whistles.
 The bourgeois
                                 already itch to begin it,
 already
                                 the fur
   on the beast's back bristles.

Сначала мелочь —
                                 вроде мальков.
 Потом повзрослее —
                                 от шпротов до килечек.
 Потом Дарданельский,
                                 в девичестве Милюков,
 за ним
                                 с коронацией
                                 прёт Михаилыч.
 Премьер
                                 не власть —
                                 вышивание гладью!
 Это
                                 тебе
                                 не грубый нарком.
 Прямо девушка —
                                 иди и гладь её!
 Истерики закатывает,
                                 поёт тенорком.
 Ещё не попало
                                 нам
                                 и росинки
 от этих самых
                                 февральских свобод,
 а у оборонцев —
                                 уже хворостинки —
 «марш, марш на фронт,
                                 рабочий народ».
 И в довершение
                                 пейзажа славенького,
 нас предававшие
                                 и до
                                 и потом,

At first
                                 mere fry
                                 at which one might scoff,
 then big sharks
                                 emerged
                                 to swallow
                                 the nation.
 Next
                                 Dardanelsky,
                                 née Milyukov,²⁶
 and finally
                                 Prince Mikhail
                                 agog for coronation.
 The Premier
                                 wields power
                                 with feathery splendour:
 none of your commissar's snarling.
 Sings in a tenor,
                                 ever so tender,
 even kicks up hysterics,
                                 the darling.
 We hadn't yet tasted
                                 the sorriest crumbs
 of February's
                                 freedom-prodigies
 when
                                 "Off to the front,
                                 working thingamagums!"
 the war-boys
                                 began prodding us.
 And to crown
                                 this picture
                                 of passing beauty,

вокруг
     сторожами
         эсеры да Савинковы,
 меньшевики —
     учёным котом.
 И в город,
     уже
         заплывающий салом,
 вдруг оттуда,
     из-за Невы,
 с Финляндского вокзала
 по Выборгской
         загрохотал броневик.
 И снова
     ветер
         свежий, крепкий
 валы
     революции
         поднял в пене.
 Литейный
     залили
         блузы и кепки.
 «Ленин с нами!
     Да здравствует Ленин!»
 — Товарищи! —
     и над головами
         первых сотен
 вперёд
     ведущую
         руку выставил.
 — Сбросим
     эсдечества
         обветшавшие лохмотья.

traitors and provocateurs
         before and after that,
 S.R.s and Savinkovs²⁷
         stood on watchdog duty
 with Mensheviks
         as the Tell-Tale Cat.²⁸
 When suddenly
         into the city
                 sleekening with blubber
 from beyond
         the broad-banked Neva,
 from Finland Station
         through the Vyborg suburb
 rumbled
         an armoured car.
 And again
         the gale,
                 momentum gaining,
 set the whirlwind
         of revolution spinning.
 Caps and blouses
         flooded the Lifeiny²⁹:
 "Lenin's with us!
         Long live Lenin!"
 "Comrades,"
         and over the heads
                 of the hundreds clapping
 forward
         a guiding hand
                 he thrust,
 "Let's cast off
         the outworn Social-Democrat trappings.

Долой
     власть
         соглашателей и капиталистов!
 Мы —
     голос
         воли низа,
 рабочего низа
         всего света.
 Да здравствует
     партия,
         строящая коммунизм,
 да здравствует
     восстание
         за власть Советов! —
 Впервые
     перед толпой обалделой
 здесь же,
     перед тобою,
         близ,
 встало,
     как простое
         делаемое дело,
 недосыгаемое слово —
         «социализм».
 Здесь же,
     из-за заводов гудящих,
 сияя горизонтом
         во весь свод,
 встала
     завтрашняя
         коммуна трудящихся —

Chuck the capitalists
         and their yes-men
                 into the dust!
 We voice
         the will
                 of the toilers
                         and tillers
 of the whole world.
         Now's the hour.
 Long live the Party
         of communism builders,
 long live
         armed struggle
                 for Soviet power!"
 For the first time ever
         without ado
 before the flabbergasted
         human ocean
 arose
         as a routine thing to do
 once unattainable
         socialism.
 There,
     beyond the factories roaring,
 there, on the horizon
         with blinding force
 it shone
         before us,
                 the Commune
                         of tomorrow

без буржуев,
                     без пролетариев,
                                     без рабов и господ.
 На толщ
                     окрутивших
                                     соглашательских верёвок
 слова Ильича
                     ударами топора.
 И речь
                     прерывало
                                     обвалами рёва:
 «Правильно, Ленин!
                                     Верно!
   Пора!»
 Дом
                     Кшесинской,
                                     за дрыгоножество
 подаренный,
                     нынче —
                                     рабочая блузница.
 Сюда течёт
                     фабричное множество,
 здесь
                     закаляется
                                     в ленинской кузнице.
 «Ешь ананасы,
                     рябчиков жуй,
 день твой последний
                     приходит, буржуй».

Уж лезет
                     к сидящим
                                     в хозяйском стуле —

without bourgeois,
                                     proletarians,
   slaves
   or lords.
 Through the tangle
                                     of tethering
   yes-men's tenets
 Lenin's speech
                                     came crashing like an axe,
 indented with uproar
                                     every minute:
 "Right,
                                     Lenin!
   It's time to act!"
 Kshesinskaya's palace,³⁰
                                     earned by twiddling toes,
 today's invaded
                                     by boots
   steel-heeled.
 It's here
                                     the factory multitude
   flows
 in Lenin's smithy
                                     to be tempered
   and steeled.
 "Munch your pineapples,
   chew your grouse!
 Your days are over,
                                     bourgeois louse!"
 Already we demanded
                                     the wherefore and why

как живёте
     да что жуёте!
 Примериваясь,
     в июле
 за горло потрогали
     и за животик.
 Буржуевы зубья
     ощерились разом.
 — Раб взбунтовался!
     Плетьями,
         да в кровь его! —
 И ручку
     Керенского
     вводят приказом —
 на мушку Ленина!
     В Кресты Зиновьева!
 И партия
     снова
     ушла в подполье.
 Ильич на Разливе,
     Ильич в Финляндии.
 Но ни чердак,
     ни шалаш,
         ни поле
 вождя
     не дадут
     озверелой банде их.
 Ленина не видно,
     но он близ.
 По тому,
     работа движется как,

from those
     who, lording it,
         quaffed and guzzled,
 and during
     the dress rehearsal of July³¹
 tickled their gizzards
     with revolver muzzles.
 The bosses bared fangs,
     their looks spelt murder;
 "Rioting slaves!
     We'll show 'em!"
         they thundered.
 "Lenin to the wall!"
     Kerensky³² penned the order;
 "To jail with Zinoviev³³!"
     and the Party
         went underground.
 Ilyich's in Finland,
     at Razliv,
         safe and sound,
 hidden securely
     in a twig shelter.
 It won't betray him
     to the pack of hounds
 ready
     to snap him up
         in the welter.
 Lenin's unseen,
     and yet he's near,
 and time and events
     don't stand.

видна
     направляющая
                 ленинская мысль,
 видна
     ведущая
         ленинская рука.
 Словам Ильичёвым —
         лучшая почва:
 падают,
     сейчас же
         дело растя,
 и рядом
     уже
         с плечом рабочего —
 плечи
     миллионов крестьян.
 И когда
     осталось
         на баррикады выйти,
 день
     наметив
         в ряду недель,
 Ленин
     сам
         явился в Питер:
 — Товарищи,
         довольно тянуть канитель!
 Гнёт капитала,
         голод-уродина,
 войн бандитизм,
         интервенция вóрья —

Every slogan
         is Lenin's idea,
 every move
         is guided
                 by Lenin's hand.
 Each word
         by Ilyich
                 finds soil most fertile
 and falling
         forthwith
                 promotes
                         our cause,
 and see—
         alongside
                 with Leninist workers
 millions of peasants
                 into its orbit it draws.
 And when
         it remained
                 but to mount
                         barricades,
 having chosen
         a day out of many,
 back to Petrograd
         to the workers' aid
 with
     "Comrades,
         we've waited enough!"
                         came Lenin.
 "The yoke of capital,
         hunger's prodding,
 the banditry of wars
         and thieving intervention

будет! —
     покажутся
         белее родинок
 на теле бабушки,
         древней истории. —
 И оттуда,
     на дни
         оглядываясь эти,
 голову
     Ленина
         взвидишь сперва.
 Это
     от рабства
         десяти тысячелетий
 к векам
     коммуны
         сияющий перевал.
 Пройдут
     года
         сегодняшних тягот,
 летом коммуны
         согреет летá,
 и счастье
     сластью
         огромных ягод
 дозреет
     на красных
         октябрьских цветах.
 И тогда
     у читающих
         ленинские веления,

will seem
     in time
         mere moles on the body
 of Grandma History,
         escaping attention."
 And looking back
         from the future
             on this day
 the first thing seen
         will be Lenin's figure,
 from millennia
         of slavery
         blazing the way
 to the age of the Commune
         through want
             and rigour.
 These years of privation
         will sink into the past
 and the summer
         of the Commune
         warm this globe of ours,
 and the huge,
         sweet fruit of happiness
             at last
 will mature
         from the crimson
             October flowers.
 And then
         the readers
         of Lenin's behests,

пожелтевших
     декретов
         перебирая листки,
 выступят
     слёзы,
         выведенные из употребления,
 и кровь
     волнением
         ударит в виски.
 Когда я
     итожу
         то, что прожил,
 и роюсь в днях —
         ярчайший где,
 я вспоминаю
     одно и то же —
 двадцать пятое,
     первый день.
 Штыками
     тычется
         чирканье молний,
 матросы
     в бомбы
         играют, как в мячики.
 От гуда
     дрожит
         взбудораженный Смольный.
 В патронных лентах
         внизу пулемётчики.
 — Вас
     вызывает
         товарищ Сталин.

as the yellowing pages
                     they peruse,
 will feel a hot tide
                     well up in their breasts,
 and in their eyes—
                     hot tears,
                                 long since out of use.
 When I look
                     for the grandest day
                                 of my life,
 rummaging
                     in all
                                 I've gone through and seen,
 I name without doubt
                     or internal strife
 October 25,
                     1917.
 The Smolny³⁴ throbs
                     in a buzz of excitement.
 Grenades
                     hang on seamen
                                 like partridges.
 Bayonets zigzag
                     like flashes of lightning.
 Below stand machine-gunners
                     belted with cartridges.
 No aimless shuffling
                     in the corridors;
 with bombs and rifles
                     no one's a novice.
 "Comrade Stalin
                     wants to see you."

Направо
     третья,
         он
         там. —
 — Товарищи,
     не останавливаться!
                                 Чего стали!
 В броневики
     и на почтайт! —
 — По приказу
     товарища Троцкого! —
 — Есть! —
     повернулся
         и скрылся скоро,
 и только
     на ленте
         у флотского
 под лампой
     блеснуло —
         «Аврора».
 Кто мчит с приказом,
     кто в куче спорящих,
 кто щёлкал
     затвором
         на левом колене.
 Сюда
     с того конца коридорища
 бочком
     пошёл
         незаметный Ленин.
 Уже
     Ильичём
         поведённые в битвы,

                                "Here's
                                 the orders:
 armoured cars—
                                 to the General Post Office."
 "Comrade Trotsky's³⁵ instructions."
                                 "Right!"
                                 —he dashed forward
 and the man's
     navy ribbons
                                 flashed:
                                 "Aurora".³⁶
 Some run with dispatches,
                                 others
                                 stand arguing,
 still others
     click rifle-bolts—
                                 no two figures
                                 the same.
 And here,
     no token
         of greatness
                                 or grandeur,
 brisk
     but inconspicuous,
                                 Lenin
                                 came.
 Already
     led
         by Lenin
                                 into battle,

ещё
 не зная
 его по портретам,
 толкались,
 орали,
 острее бритвы
 солдаты друг друга
 крыли при этом.
 И в этой желанной
 железной буре
 Ильич,
 как будто
 даже заспанный,
 шагал,
 становился
 и глаз, сощуря,
 вонзал,
 заложивши
 руки за спину.
 В какого-то парня
 в обмотках,
 лохматого,
 уставил
 без промаха бьющий глаз,
 как будто
 сердце
 с-под слов выматывал,
 как будто
 душу
 тащил из-под фраз.
 И знал я,
 что всё
 раскрыто и понято

they didn't know him
 from portraits
 yet;
 bustled,
 hollered,
 exchanged banter,
 with a quickfire of oaths,
 hail-fellow-well-met.
 And there,
 in that long-wished-for
 iron storm
 Lenin,
 drowsy with fatigue,
 it would seem,
 pacing,
 stopping,
 hands clasped behind back,
 dug his eyes
 into the motley scene.
 Once I saw him
 stabbing them
 into a chap in puttees,
 dead-aiming,
 sharp-edged
 as razors,
 seizing the gist
 as pincers would seize,
 dragging the soul
 from under words and phrases.
 And I knew,
 everything
 was disclosed
 and understood,

и этим
глазом
наверное выловится —
и крик крестьянский,
и вопли фронта,
и воля нобельца,
и воля путиловца.

Он
в черепе
сотней губерний ворочал,
людей
носил
до миллиардов полутора.

Он
взвешивал
мир
в течение ночи,

а утром:
— Всем!
Всем!
Всем это —

фронтам,
кровью пьяным,
рабам
всякого рода,
в рабство
богатым отданным. —
Власть Советам!
Земля крестьянам!
Мир народам!

everything
those eyes
were raking for:
where
the shipwright
and miner stood,
what
the peasant and soldier were aching for.
He kept all races
within his sight,
all continents
where the sun goes setting
or dawning;
weighed the whole globe
in his brain
by night
and
in the morning:
"To all,
every
and each,
slaves of the rich
one another
hacking and carving;
to you we appeal
this hour:
Let the Soviets
take over
government power!
Bread
to the starving!
Land
to the farmers!

Хлеб голодным! —
 Буржуи
     прочли
         — погодите,
                     выловим, —
 животики пята
         доводом веским —
 ужо им покажут
         Духонин с Корниловым,
 покажут ужо им
         Гучков с Керенским.
 Но фронт
     без боя
         слова эти взяли —
 деревня
     и город
         декретами залит,
 и даже
     безграмотным
         сердце прожѣг.
 Мы знаем,
     не нам,
         а им показали,
 какое такое бывает
         «ужо».
 Переходило
     от близких к ближним,
 от ближних
     дальним взрывало сердца:
 «Мир хижинам,
 война,
     война,
         война дворцам!»

Peace
     to the peoples
         and their warring armies!"
 The bourgeois, busy
         drinking their fill of
 soldierly blood,
         shrieked in a frenzy:
 "At 'em,
         Dukhonin and Kornilov,
 show 'em what's what,
         Guchkov³⁷ and Kerensky!"
 But both front and rear
         surrendered without a shot
 when the decrees³⁸
         hailed down on them,
                     scorching.
 Today we know
         who showed whom
                     what's what;
 even at illiterates' hearts
         they got,
 into steel determination
         forging.
 From near
         unto far
             it went rolling,
 mounting
         from a whisper
             to a roar:
 "Peace to cottages
         poor and lowly,
 war on palaces,
         war, war, war!"

Дрались
     в любом заводе и цехе,
 горохом
     из городов вытряхали,
                                 а сзади
 шаганье октябрьское
                                 метило веи
 пылающих
     дворянских усадеб.
 Земля —
     подстилка под ихними порками,
 и вдруг
     её,
     как хлебища в узел,
 со всеми ручьями её
                                 и пригорками
 крестьянин взял
     и зажал, закорузел.
 В очках
     манжеттики,
                                 злой похаркав,
 ползли туда,
     где царство да графство.
 Дорожка скатертью!
                                 Мы и кухарку
 каждую
     выучим
                                 управлять государством!

We fought
     in all factories,
                                 humble and famous,
 shook 'em out of cities like peas,
                                 while outside
 the October wildfire
                                 left flaming manors
 for landmarks
                                 marking
                                 its triumphant stride.
 The land—
     once a mat
                                 for wholesale floggings—
 was suddenly seized
                                 by a calloused hand
 with rivulets,
                                 hillocks
                                 and other belongings
 and held tight—
                                 the long-dreamed-of,
                                 blood-soaked land.
 The spectacled white-collars,
                                 spitting in spite,
 sneaked off
     to where kingdoms and counties
                                 still remain.
 Good riddance!
                                 We'll train every cook
                                 so she might
 manage the country
                                 to the workers' gain.

Мы жили
     пока
         производством ротаций.
 С окопов
     летело
         в немецкие уши:
 — Пора кончать!
         Выходите брататься! —
 И фронт
     расползался
         в улитки теплушек.
 Такую ли
     течь
         загородите горстью!
 Казалось —
     наша лодчонка кренится —
 Вильгельмов сапог,
         Николаева шпористой,
 сотрёт
     Советской страны границы.
 Пошли эсеры
     в плащах распашонкой,
 ловили бегущих
     в своё словоблудьище,
 тащили
     по-рыцарски
         глупой шпажонкой
 красиво
     сразить
         броневые чудища!
 Ильич
     петушившимся
         крикнул:

We survived
     for the time
         by printing,
                 writing,
 bellowing
     from the trenches
         into the German ear:
 "Come out and fraternise!
         Finish fighting!
 Enough!"
     and the front
         crumbled off into the rear.
 Leaking in torrents
         that swelled out of trickles,
 it seemed
     our boat was about to careen:
 Wilhelm's boot,
         far heftier than Nicholas',
 would smash the country
         to smithereens.
 Then came the S.R.s
     with their infantile drivelling,
 to catch the runners
     in their word-traps preposterous;
 dragged them back
     with toy swords
         from the scrap-heap
                 of chivalry
 picturesquely to vanquish
     the iron-clad monsters.
 But Lenin
     curbed
         the gamecocks' zest:

— Ни с места!

Пусть партия
взвалит
и это бремя.

Возьмём
передышку похабного Бреста.

Потеря — пространство,
выигрыш — время. —

Чтоб не передохнуть
нам
в передышку,

чтоб знал —
запомнят удáры мои,

себя
не муштровкой —
сознанием вышколи,

стройся
рядами
Красной Армии.

Историки
с гидрой плакаты выдерут
— чи эта гидра была,
чи нет! —

а мы
знавали
вот эту гидру
в её
натуральной величине.

"The Party
must shoulder
the burden again.

We'll accept
the breathing-space
of filthy Brest³⁹:

Territory we'll lose,
but time we'll gain."

And,
so as the breathing-space
shouldn't kill us,
to be able,
later,
to knock them barmy,
let discipline
and conscious resolve
be our drillers.

Rally
in the ranks
of the Red Army!

Historians
will stare
at the posters with hydras⁴⁰:

"Did those hydras
exist or not?"

As for us,
that same hydra
reached out to bite us
and a full-size hydra it was,
by god.

«Мы смело в бой пойдём
за власть Советов
и как один умрём
в борьбе за это!»

Деникин идёт.

Деникина выкинут,
обрушенный пушкой
                                подымут очаг.
Тут Врангель вам —
                                на смену Деникину.
Барона уронят —
                                уже Колчак.
Мы жрали кору,
                                ночёвка — болотце,
но шли
                                миллионами красных звёзд,
и в каждом — Ильич,
                                и о каждом заботится
на фронте
                                в одиннадцать тысяч вёрст.
Одиннадцать тысяч вёрст
                                окружность,
а сколько
                                вдоль да поперёк!
Ведь каждый дом
                                атаковывать нужно,
каждый
                                врага
                                в подворотнях берёт.
Эсер с монархистом
                                шпионят бессонно —
где жалят змей,
                                где рубят с плеча.

"All dangers we'll defy,
No limit to our courage,
And fighting we will die
For Soviet power to flourish!"

First comes Denikin.⁴¹

Denikin gets a lickin'.
Repair work begins
                                on our ruined hearths.
Then Wrangel⁴² turns up
                                in the wake of Denikin;
the baron kicked out,
                                Kolchak⁴³ comes en masse.
Our dinners—bark,
                                beds—any old where,
yet forward
                                the red-starred legion bursts.
In each lives Lenin,
                                each feels Lenin's care,
each along a front of eleven thousand versts.
That was its breadth—
                                eleven thousand versts,
but who knows
                                its depth and length!
Every door
                                an enemy ambush nursed,
every house
                                to be taken
                                took blood and strength.
S.R.s and monarchists
                                with their tongues and guns
sting,
                                the vipers,
                                bite like hounds.

Ты знаешь
                         путь
                         на завод Михельсона!
 Найдёшь
                         по крови
                         из ран Ильича.
 Эсеры
                         целят
                         не очень верно —
 другим концом
                         да себя же
                         в бровь.
 Но бомб страшнее
                         и пуль револьвёрных
 осада голода,
                         осада тифов.
 Смотрите —
                         кружат
                         над крошками мушки,
 сытней им,
                         чем нам
                         в осьмнадцатом году, —
 простаивали
                         из-за осьмушки
 сутки
                         в улице
                         на холоду.
 Хотите сажайте,
                         хотите травите —
 завод за картошку —
                         кому он не жалок!
 И десятикорпусный
                         судостроитель

You don't know the way
   to Michelson's!
 You'll find it
                                 by the blood
   from Lenin's wounds.⁴⁴
 S.R.s talk better
   than they pull a trigger,
 their bullets
                                 their own ribs ramming.
 But a menace
                                 beside which
   bullets were meagre
 was the siege
                                 begun
   by typhus
   and famine.
 Look at the crumb-collecting
   flies:
 by far
                                 better off
   than we were then,
 queueing
                                 in the freeze
   for a tiny slice
 days
                                 on end.
 Fancy
                                 a giant shipbuilding wharf
 working for nothing
   but cigarette-lighters!

пыхтел
     и визжал
         из-за зажигалок.
 А у кулаков
     и масло и пышки.
 Расчёт кулаков
     простой и верненький —
 запрячь хлеба
     да зарой в кубышки
 николаевки
     да кёренки.
 Мы знаем —
     голод
         сметает начисто,
 тут нужен зажим,
     а не ласковость воска,
 и Ленин
     встаёт
         сражаться с кулачеством
 и продотрядами
     и продразвёрсткой.
 Разве
     в этакое время
         слово «демократ»
 набредёт
     какой головке дурьей!!
 Если бить,
     так чтоб под ним
         панель была мокра:
 ключ побед —
     в железной диктатуре.

Jail 'em,
     hang 'em,
         cut their heads off,
 how else
     could the workers earn grub,
         poor blighters!
 But the kulaks
     had heaps of both butter and flour.
 Kulaks,
     they weren't no boobies;
 hid and hoarded
     till a fitter hour
 their grain
     and their greasy rubles.
 Hunger
     hits harder,
         kills surer than bullets.
 You need a steel grip here,
         not cotton-wool lenience.
 So Lenin sets out
     to fight the kulaks⁴⁵
 by food requisition teams—
         grim expedients.
 How could the very notion
         of democracy
 at such a time enter
         any fool's head!!
 At 'em
     and none of your mincing hypocrisy.
 Only iron dictatorship
     to victory led.

Мы победили,
                                 но мы
   в пробоинах:
 машина стала,
                                 обшивка —
   лохмотья.
 Валы обломков!
                                 Лохмотьев обойных!
 Идите залейте!
                                 Возьмите и смойте!
 Где порт!
                                 Маяки
   поломались в порту,
 кренимся,
                                 мачтами
   волны крестя!
 Нас опрокинет —
                                 на правом борту
 в сто миллионов
                                 груз крестьян.
 В восторге враги
                                 заливаются воя,
 но так
                                 лишь Ильич умел и мог —
 он вдруг
                                 повернул
   колесо рулевое
 сразу
                                 на двадцать румбов вбок.
 И сразу тишь,
                                 дивящая даже;

We've won,
                                 but our ship's all dents and holes,
 hull in splinters,
                                 engines near end,
 overhaul overdue
                                 for floors,
   ceilings,
   walls.
 Come,
                                 hammer and rivet,
   repair
   and mend!
 Where's port!—
                                 all the beacons gone dead in the harbour.
 We roll,
                                 crossing
   the waves
   with our masts.
 There's risk she'll keel over,
   such cargo to starboard:
 the 100 million
                                 peasant class!
 While enemies howled
   with malicious glee
 Lenin alone
                                 kept his nerve:
 turned her twenty points leeward
   and she
 swerved upright
                                 and entered port at a curve.
 And at once,
                                 surprisingly,
   no more gale;

крестьяне
     подвозят
         к пристани хлеб.
 Обычные вывески
     — купля —
                     — продажа —
 — нэп.
 Прищурился Ленин:
     — Чинитесь пока чего,
 аршину учишь,
     не научишься —
                     плох. —
 Команду
     усталую
         берег покачивал.
 Мы к буре привыкли,
     что за подвох!
 Залив
     Ильичём
         указан глубокий
 и точка
     смычки-причала
         найдена,
 и плавно
     в мир,
         строительству в доки,
 вошла
     Советских республик громадина.
 И Ленин
     сам
         где железо,
             где дерево

peasants cart bread
                     and at every step
 the familiar ads:
                     WILL BUY—
                                     FOR SALE—
 —NEP!⁴⁶
 Lenin winks:
     we're in for repairs.
 Get used to the yardstick—
                     nothing to fear.
 The shore
     rocks the crew,
                     weak with wear and fear:
 "Whoah!
     Where's the gale?
                     What's the big idea!"
 Lenin
     points out
         a deep bay
                     free of rocks
 with the piers
     of co-operatives
                     looming
                             over it.
 And smoothly
     into construction's
                     docks
 sailed
     the colossal
         country
             of Soviets.
 Lenin himself
     heaves timber and iron

носил
     чинить
         пробитое место.
 Стальными листами
         вздыхал
                 и примеривал
 кооперативы,
         лавки
                 и тресты.
 И снова
         становится
                 Ленин штурман,
 огни по бортам,
         впереди и сзади.
 Теперь
         от абордажей и штурма
 мы
         перейдём
                 к трудовой осаде.
 Мы
         отошли,
         рассчитавши точно.
 Кто разложился —
         на берег
                 за вóрот.
 Теперь вперёд!
         Отступление окончено.
 РКП,
         команду на борт!
 Коммуна — столетия,
         что десять лет для ней!

to patch up
         the breaks and ruptures;
 marks off and measures
         with an all-seeing eye on
 future co-ops,
         shops,
         and management structures.
 Then again
         he resumes
                 his post
                 on the bridge:
 Lights on
         in front,
         at the sides
                 and back!
 Since now,
         systematic
                 everyday
                 siege
 will replace
         both storm raid
                 and surprise attack.
 At first
         we withdrew,
         discreet and sober.
 Anyone disgraced—
         out without a word!
 Now forward again—
         the retreat is over.
 R.C.P.—
         crew aboard!
 The Commune'll live centuries.
         What's a decade for her!

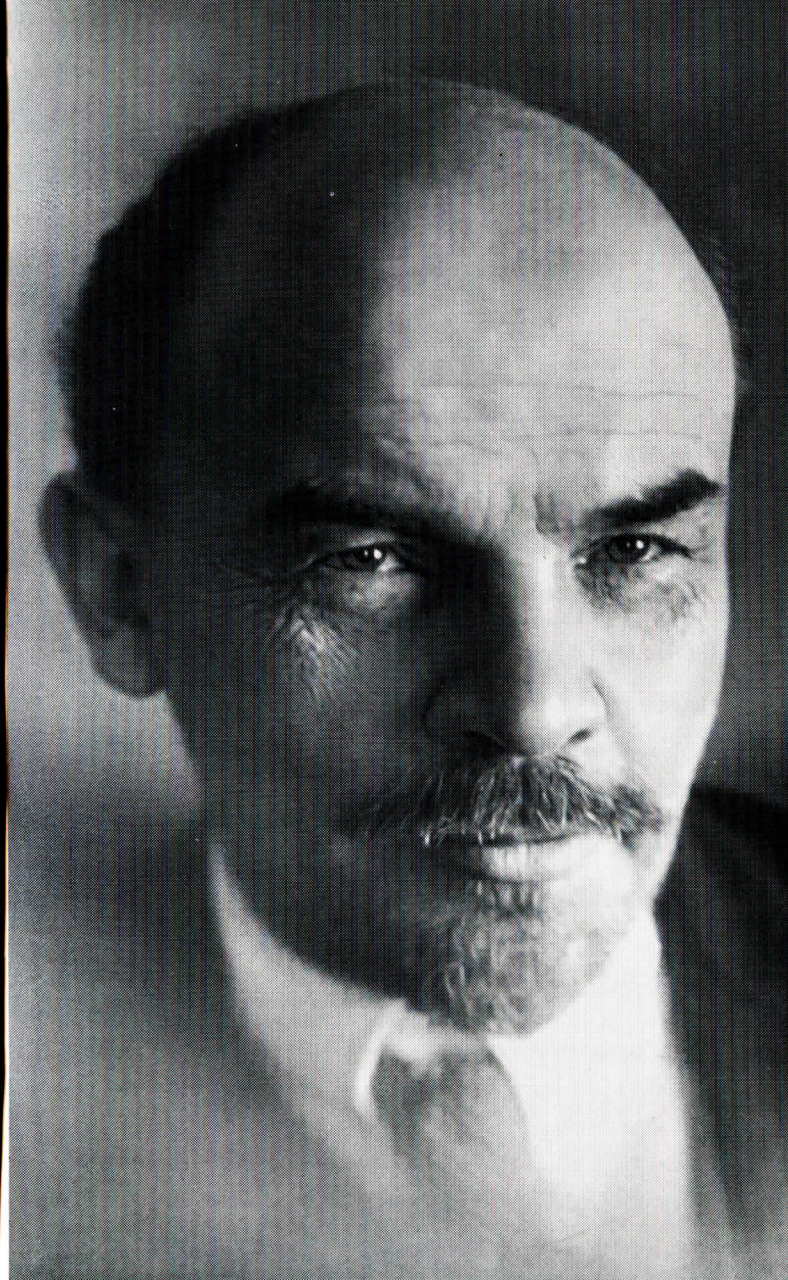
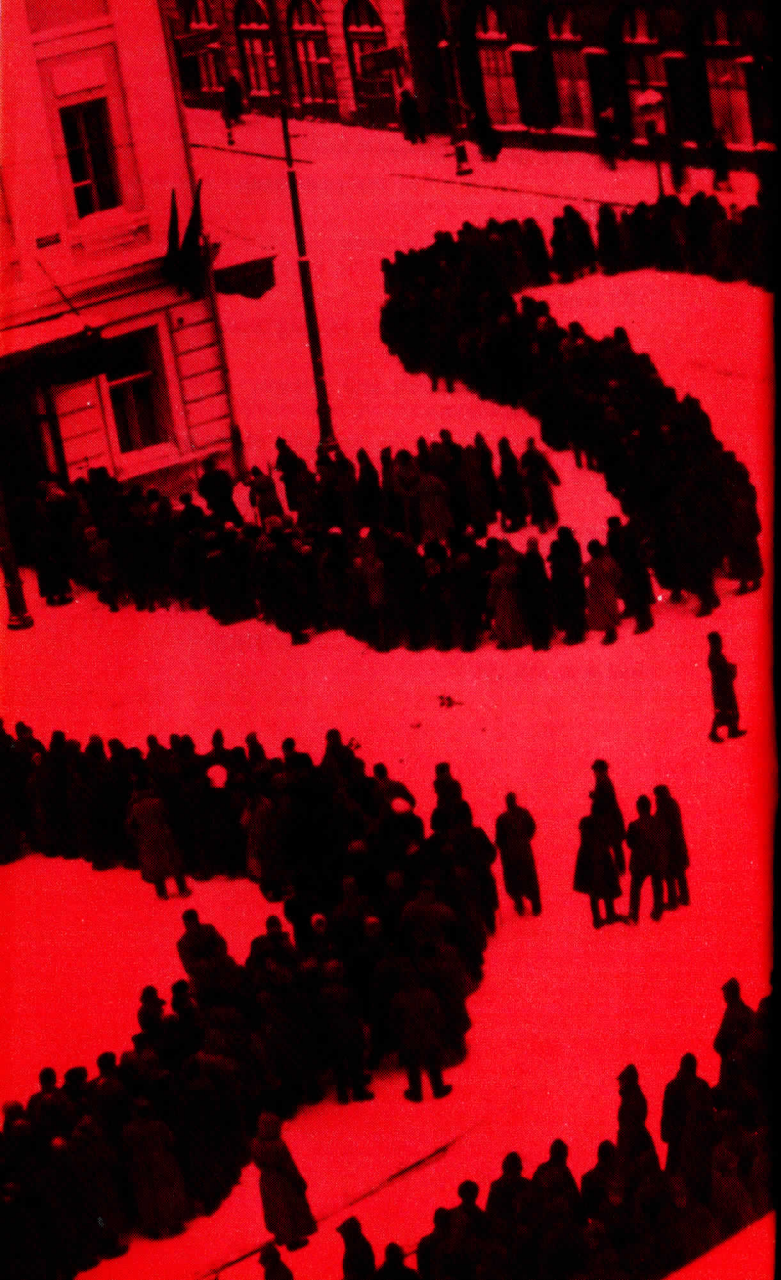
на общий завод ли
    идём
    с обеда,
 мы знаем —
    пролетариат — победитель,
 и Ленин —
    организатор победы.
 От Коминтерна
    до звонких копеек,
 серпом и молотом
    в новой меди,
 одна
    неписаная эпопея —
 шагов Ильича
    от победы к победе.
 Революции —
    тяжёлые вещи,
 один не подымешь —
    согнётся нога.
 Но Ленин
    меж равными
    был первейший
 по силе воли,
    ума рычагам.
 Подымаются страны
    одна за одной —
 рука Ильича
    указывала верно:
 народы —
    чёрный,
    белый
    и цветной —

or running a lathe
    at a public-owned factory,
 we know—
    the proletariat is victor
 and Lenin
    the architect of victory.
 From the Comintern
    to the hammer and sickle
 on brand-new kopeks
    shining in glory,
 our achievements
    and triumphs
    double
    and triple,
 filling page after page
    of Lenin's great story.
 Revolutions
    are the business of peoples;
 for individuals
    they're too heavy to wield,
 yet Lenin
    ranked foremost
    among his equals
 by his mind's momentum,
    his will's firm steel.
 Countries rise
    one after the other,
 fulfilling
    his predictions
    each in turn;
 men of all races—
    white
    and coloured—

становятся
под знамя Коминтерна.
Столпов империализма
непреклонные колонны —
буржуи
пяти частей света,
вежливо
приподымая
цилиндры и короны,
кланяются
Ильичёвой республике советов.
Нам
не страшно
усилие ничьё,
мчим
вперёд
паровозом труда...
и вдруг
стопудовая весть —
с Ильичём
удар.

rally
     under the banner
                     of the Comintern.
 The imperialists
     and bourgeois
                     in their thinning crowds,
 still pestering the world
     and lording over it,
 politely tip
     their top hats and crowns
 to Ilyich's brain-child—
     the Republic of Soviets.
 Fearing no effort
     or artifice by the rich,
 on speeds our engine
     in curling smoke.
 When suddenly—
     the shattering news:
                     Ilyich
 had a stroke....

ЕСЛИ БЫ

                  выставить в музее
плачущего большевика,
весь день бы
                  в музее
                  торчали ротозей.

Ещё бы —

                  такое
                  не увидишь и в века!

Пятиконечные звёзды
                  выжигали на наших спинах
                                  панские воеводы.

Живьём,

          по голову в землю,
                  закапывали нас банды
                                  Мамонтова.

В паровозных топках

                  сжигали нас японцы,
рот заливали свинцом и оловом,
отрекитесь! — ревели,
                  но из

горящих глоток

          лишь три слова:
— Да здравствует коммунизм! —

IF

          you exhibited
                  in a museum
a Bolshevik in tears,
all day
                  they'd flock in the museum
                                  to see him.

Small wonder—

                  you won't see the like
                                  in years.

With five-pointed stars

                  we were branded
                                  by Polish voivodes.

Buried alive

          neck-deep in the ground
                  by the bandits of Mamontov,⁴⁷

burned up in engine fire-boxes

                  by Japanese marauders,

mouths plugged with molten tin,

                  riddled with bullets;

"Denounce it!" they bellowed,

                  but from

the hell-holes of burning gullets

"Long live Communism!"

                  was all that would come.

Кресло за креслом,
   ряд в ряд
 эта сталь,
   железо это
 вваливалось
   двадцать второго января
 в пятиэтажное здание
   Съезда советов.
 Усаживались,
   кидались усмешкою,
 решали
   пóходя
   мелочь дел.
 Пора открывать!
   Чего они мешкают?
 Чего
   президиум,
   как вырубленный, поредел!
 Отчего
   глаза
   краснее ложи!
 Что с Калининым!
   Держится еле.
 Несчастье!
   Какое!
   Быть не может!
 А если с ним?
   Нет!
   Неужели!
 Потолок
   на нас
   пошёл снижаться вороном.

Row
   after row,
   in its might unreckoned,
 this iron,
   this steel,
   the recess not over yet,
 crowded
   on January
   the twenty-second
 the five-storey building
   of the Congress of Soviets.
 Down they settled,
   joking
   and grinning,
 affairs talked over
   in business-like idiom.
 "Time to start!
   Why aren't they beginning?
 Here,
   what's that gap in the presidium?
 Why are their eyes
   red as box-stall plush!
 Look at Kalinin¹⁸—
   hardly keeps his feet.
 Something happened!
   Why can't they....
   Hush!
 What if it's him?
   No, indeed...."
 Raven-like,
   the ceiling
   swooped upon us,
   lowering;

Опустили головы —
   ещё нагни!
 Задрожали вдруг
   и стали чёрными
 люстр расплывшихся огни.
 Захлебнулся
   колокольчика ненужный щёлк.
 Превозмог себя
   и встал Калинин.
 Слёзы не сжуёшь
   с усов и щёк.
 Выдали.
   Блестят у бороды на клине.
 Мысли смешались,
   голову мнут.
 Кровь в виски,
   клопочет в вене:
 — Вчера
   в шесть часов пятьдесят минут
 скончался товарищ Ленин! —

Этот год
   видал,
   чего не взвидят сто.
 День
   векам
   войдёт
   в тоскливое преданье.

down dropped heads,
   bent floorward by their fears.
 Of a sudden
   ghastly,
   blackly glowering
 grew the swimming lights
   of chandeliers.
 Silence choked the bell's unneeded finkle.
 Up Kalinin struggled,
   nerves on edge.
 Tears—
   go try and chew them
   from moustache and wrinkle:
 they betray him,
   shining
   on the beard's sharp wedge.
 Veins ablaze—
   no hope of quenching them;
 thoughts confused—
   like walls his head impenning;
 "Yesterday
   at 6.50 p.m.
 died
   Comrade Lenin."

That year
   beheld a sight
   that ages won't set eye on.
 That day will keep
   its tale of woe
   forever throbbing.

Ужас
     из железа
         выжал стон.
 По большевикам
         прошло рыдание.
 Тяжесть страшная!
         Самих себя же
                 выволакивали
                         волоком.
 Разузнать —
         когда и как!
                 Чего таят!
 В улицы
         и в переулки
                 катафалком
 плыл
         Большой театр.
 Радость
         ползёт улиткой.
 У горя
         бешеный бег.
 Ни солнца,
         ни льдины слитка —
 всё
         сквозь газетное ситко
 чёрный
         засеял снег.
 На рабочего
         у станка
 весть набросилась.
         Пулей в уме.
 И как будто
         слезы́ стакан

Horror
         squeezed an anguished groan from iron.
 The rows of Bolsheviks
                 were swept
                         with waves of sobbing.
 What a weight!
         Ourselves
                 we dragged out bodily.
 "Get the details!
         When and where!
                 Why do they hide it,
                         damn!"
 Through the streets and lanes,
         a white hearse modelling,
 the Bolshoi Theatre swam.
 Joy
         crawls on like a snail.
 Grief
         will never go slow.
 No sun shone.
         No ice
                 gleamed pale.
 All the world
         from the newspapers' pail
 was cold-showered
         with coal-black snow.
 On the worker
         bent at his gears
 the news pounced
         and bullet-like
                 burned.
 And it seemed
         a cupful of fears

опрокинули на инструмент.
И мужичонко,
        видавший виды,
смерти
        в глаз
        смотревший не раз,
отвернулся от баб,
        но выдала
кулаком
        растёртая грязь.
Были люди — кремьнь,
                                и эти
прикусились,
        губу уродуя.
Стариками
        рассерьёзничались дети,
и, как дети,
        плакали седебородые.
Ветер
        всей земле
        бессонницею выл,
и никак
        восставшей
        не додумать до конца,
что вот гроб
        в морозной
        комнатёночке Москвы
революции
        и сына и отца.

on his instruments
        overturned.
And the peasant,
        weathered and wizened by life,
whom death
        more than once
        just missed,
swung round—
        away from his wife,
but she saw it—
        the dirt he smudged with his fist.
There were some—
        no flint could be harder or colder,
yet they too
        clenched their teeth,
                                lips awry.
Children
        in a minute
        grew graver and older,
and,
        childlike,
        the grey-bearded old would cry.
The wind
        to all the earth
        in sleepless anguish whined,
and she, the rebel,
        couldn't stand up to the notion
that here,
        in Moscow,
        in a frosty room enshrined
lay he—
        both son and father
        of the Revolution.

Конец,
     конец,
         конец.
             Кого
 уверять!
     Стекло —
         и видите под...
 Это
     его
         несут с Павелецкого
 по городу,
         взятому им у господ.
 Улица,
     будто рана сквозная —
 так болит
     и стонет так.
 Здесь
     каждый камень
         Ленина знает
 по топоту
     первых
         октябрьских атак.
 Здесь
     всё,
         что каждое знамя
                 вышило,
 задумано им
     и велено им.
 Здесь
     каждая башня
         Ленина слышала,

The end,
     the end,
         the end...
             All persuasion
 useless!
     Glass
         and beneath—
             the deceased.
 It's him
     they bear
         from Paveletsky Station
 through the city
         that he
             from the lords
                 released.
 The street's like a wound
         that'll worsen and worsen,
 so the ache of it
         cuts
             and hacks.
 Here every cobble
         knew Lenin
             in person
 by the tramp
         of the first October attacks.
 Here every slogan
         on banners embroidered
 was thought out
         and worded
             by him.
 Here every tower
         his speeches
             applauded,

за ним
     пошла бы
         в огонь и в дым.
 Здесь
     Ленина
         знает
             каждый рабочий,
 сердца ему
         ветками ёлок стели.
 Он в битву вёл,
         победу пророчил,
 и вот
     пролетарий —
         всего властелин.
 Здесь
     каждый крестьянин
         Ленина имя
 в сердце
     вписал
         любовней, чем в святцы.
 Он земли
     велел
         назвать своими,
 что дедам
     в гробах,
         засеченным, снятся.
 И коммунары
     с-под площади Красной,
 казалось,
     шепчут:
         — Любимый и милый!

would follow him
         anywhere,
             staunch and grim.
 Here Lenin
         was known
             both in works and offices.
 Spread hearts
         like spruce-free boughs
                     in his way!
 He led,
         he steeled
             with his victory-prophecies,
 and see—
         proletarians
             have taken sway.
 Here every peasant
         holds Lenin's name
 dearer
     than any
         in the Bible cherished
 for the land
         that at Lenin's bidding became
 his own—
         a dream
             for which grandsires
                     had fought
                             and perished.
 And Communards
         from their graves
                     in Red Square
 seemed to be whispering
             "Dear,
                     beloved,

Живи,
     и не надо
         судьбы прекрасней —
 сто раз сразимся
         и ляжем в могилы! —
 Сейчас
         прозвучали б
             слова чудотворца,
 чтоб нам умереть
         и его разбудят, —
 плотина улиц
         враспашку раствóрится,
 и с песней
         на смерть
             ринутся люди.
 Но нету чудес,
         и мечтать о них нечего.
 Есть Ленин,
         гроб
         и согнутые плечи.
 Он был человек
         до конца человеческого —
 неси
         и казись
         тоской человеческой.
 Вовек
         такого
         бесценного груза
 ещё
         не несли
         океаны наши,
 как гроб этот красный,
         к Дому союзов

live,
     and no need for a lot more fair.
 We'd die ten times
         for fulfilment of it."
 Let the word
         be pronounced
             by a miracle-maker
 for us to die
         that he be awoken;
 the street-streams would swell
         and flood their embankments
 and all
         go to death
             with a joy unspoken.
 But there aren't any miracles.
             Only Lenin.
 Lenin,
         his coffin
         and our bent shoulders.
 This man was a human—
         as human as anyone.
 So just bear it—
         the pain
         that in humans smoulders.
 Never
         was there
         a burden more precious
 borne along
         by oceans of people
 than this red coffin
         borne by processions
 on the drooping shoulders
         of marches and weeping.

плывущий
 на спинах рыданий и маршей.
 Ещё
 в караул
 вставала в почётный
 суровая гвардия
 ленинской выправки,
 а люди
 уже
 прожидают, впечатаны
 во всю длину
 и Тверской
 и Димитровки.
 В семнадцатом
 было —
 в очередь дочери
 за хлебом не вышлешь —
 завтра съем!
 Но в эту
 холодную,
 страшную очередь
 с детьми и с больными
 встали все.
 Деревни
 строились
 с городом рядом.
 То мужеством горе,
 то детскими вызвенит.
 Земля труда
 проходила парадом —
 живым
 итогом
 ленинской жизни.

The Guard of Honour
 had scarcely been formed
 of heroes,
 heirs
 of his wisdom and strength,
 when crowds,
 impatient,
 already swarmed
 through all the neighbourhood's
 breadth
 and length.
 Into a 1917 breadline
 no hunger
 could drive—
 better eat tomorrow.
 But into this bitter,
 freezing,
 dread line
 kids,
 invalids—
 all
 were driven by sorrow.
 Alongside
 village and town
 were arrayed,
 child and adult,
 wrung
 by their grief's insistence.
 The world of labour
 passed
 in parade,
 the living total
 of Lenin's existence.

Мороз хватает
и тащит,
как будто
пытается,
насколько в любви закалённые.
Врывается в толпы.
В давку запутан,
вступает
вместе с толпой за колонны.
Ступени растут,
разрастаются в риф.
Но вот
затихает
дыханье и пенье,
и страшно ступить —
под ногою обрыв —
бездонный обрыв
в четыре ступени.
Обрыв
от рабства в сто поколений,
где знают
лишь золота звонкий резон.
Обрыв
и край —
это гроб и Ленин,
а дальше —
коммуна
во весь горизонт.
Что увидишь!!
Только лоб его лишь,
и Надежда Константиновна
в тумане
за...

The frost grips fast and tortures,
as if
trying how tough
the love-tempered will is,
cuts into mobs,
and, stifling, stiff,
sneaks in
with the crowds
behind the pillars.
The steps expand,
grow up into a reef.
Silence.
Breathing and sighing stop:
how pass it,
fearful beyond belief,
that dismal,
abysmal
four-step drop!
That drop
from the logic of farthing and penny,
from ages
of thralldom to His Majesty Gold;
that drop
with its brink—
the coffin
and Lenin
and beyond—
the Commune
in its glory unrolled.
Lenin's forehead
was all you saw
and Nadezhda Konstantinovna⁽⁹⁾
in a haze...

Может быть,
                     в глаза без слёз
                                     увидеть можно больше.
 Не в такие
                     я
                     смотрел глаза.
 Знамён
                     плывущих
                                     склоняется шёлк
 последней
                     почестью отданной:
 «Прощай же, товарищ,
                                     ты честно прошёл
 свой доблестный путь, благородный».

Страх.
                     Закрой глаза
                                     и не гляди —
 как будто
                     идёшь
                                     по проволоке провода.
 Как будто
                     минуту
                                     один на один
 остался
                     с огромной
                                     единственной правдой.

Я счастлив.
                     Звнящего марша вода
 относит
                     тело моё невесомое.

Maybe eyes less full of tears
                                     could show me more.
 It's through clearer eyes
                                     I've looked on gladder days.
 The floating banners
                                     bend
   in his last
 honours,
                                     and, silken, sway.
 "Farewell to you,
                                     comrade,
   who have passed
 from a noble life
                                     away..."

Horror!
                     Shut your eyes
                                     and blindfold pace
 the infinity
                                     of tight-rope grief.
 As if
                     for a minute
                                     left face to face
 with the only
                     truth
                                     worth belief.

What joy!
                     My body,
                                     light as a feather,
 drifts
                     in the march-tune's resonant stream.

Я знаю —
                     отныне
                                 и навсегда
 во мне
                     минута
                                 эта вот самая.
 Я счастлив,
                     что я
                                 этой силы частица,
 что общие
                     даже слёзы из глаз.
 Сильнее
                     и чище
                                 нельзя причаститься
 великому чувству
                                 по имени —
   класс!
 Знамённые
                     снова
                                 склоняются крылья,
 чтоб завтра
                     опять
                                 подняться в бой —
 «Мы сами, родимый, закрыли
 орлиные очи твои».
 Только б не упасть,
                                 к плечу плечо,
 флаги вычернив
                     и веками алея,
 на последнее
                     прощанье с Ильичём
 шли
                     и медлили у мавзолея.

I know
                     for sure—
                                 from now and forever
 the light of this minute
                                 in me will gleam.
 What a joy it is
                                 to be part of this union,
 even tears from the eyes
                                 to be shared en masse,
 in this—
                     the purest,
                                 most potent communion
 with that glorious feeling
                                 whose name is Class.
 The banner-wings
                                 droop
   one after another,
 in tomorrow's battles
                                 again to rise;
 "We ourselves,
                     dear brother,
 closed
                     your eagle-eyes..."
 Shoulder to shoulder—
                                 not to fall!
 Flags blackened,
                                 eyes reddening,
   tears agleam,
 for the last farewell with Lenin
                                 came all,
 slowing
                     down
                                 at the Mausoleum.

Выполняют церемониал.

Говорили речи.

Говорят — и ладно.

Горе вот,

что срок минуты

мал —

разве

весь

охватишь ненаглядный!

Пройдут

и наверх

смотрят с опаской,

на чёрный,

посыпанный снегом кружок.

Как бешено

скачут

стрелки на Спасской.

В минуту —

к последней четвёрке прыжок.

Замрите

минуту

от этой вести!

Остановись,

движение и жизнь!

Поднявшие молот,

стыньте на месте.

Земля, замри,

ложись и лежи!

Безмолвие.

Путь величайший окончен.

On went the funeral ceremonial.

Speeches flowed.

Ay, speaking's all right;

the tragedy is

there's a minute only—

how embrace him

at one insatiable sight!

Out they file

and with dread in their glance

look up

at the glowering,

snow-pocked disk:

how madly

the clockhands on Spasskaya⁵⁰ dance!

A minute—

and past the last quarter

they whisk!

Stop

at this news,

mankind,

and grow dumb.

Life,

movement,

breathing—

cease.

You,

with hammer uplifted,

be numb.

Earth,

lie low

and, motionless, freeze.

Silence.

The end of the greatest of fighters.

Стреляли из пушки,
а может, из тыщи.
И эта
пальба
казалась не громче,
чем мелочь,
в кармане бренчащая —
в нищем.
До боли
раскрыв
убогое зрение,
почти заморожен,
стою не дыша.
Встаёт
предо мной
у знамён в озарении
тёмный
земной
неподвижный шар.
Над миром гроб,
неподвижен и нем.
У гроба —
мы,
людей представители,
чтоб бурей восстаний,
дел и поэм
размножить то,
что сегодня, видели.

Cannon fired.
A thousand, perhaps.
Yet all that cannonade
                        sounded quieter
than pennies
jingling in beggars' caps.
Straining,
    paining
        each puny iris
I stand,
    half-frozen,
        with
            bated breath.
In the gleaming of banners
                        before me arises
darkling,
    the globe,
        as still as death.
And on it—
    this coffin
        mourned by mankind,
with us,
    mankind's representatives,
                        round it,
in a tempest of deeds and uprisings destined
to build up
    and complete
        all this day has founded.

Но вот
     издалёка,
         оттуда,
             из алого
 в мороз,
     в караул умолкнувший наш,
 чей-то голос —
     как будто Муралова —
 «Шагом марш».
 Этого приказа
     и не нужно даже —
 реже,
     ровнее,
         твёрже дыша,
 с трудом
     отрывая
         тело-тяжесть,
 с площади
     вниз
         вбиваем шаг.
 Каждое знамя
     твёрдыми руками
 вновь
     над головою
         взвито ввысь.
 Топота потоп,
     сила кругами,
 ширясь,
     расходится
         миру в мысль.
 Общая мысль
     воедино созвеньена

But now,
     from the bowing banners' red arch
 comes the voice of Muralov⁵¹:
     "Forward march!"
 The command's so apt
     it needn't be given:
 our breathing firmer,
     even
         and rare,
 leaden bodies with effort
         driven,
 we hammer
     our footsteps down
         from the square.
 Each of the banners
     above our heads
 in steadying hands
     soars up
         as it ought.
 From our marching ranks
     the energy
         spreads
 in circles,
     carrying through the world
         one thought;
 one thought
     from a common anxiety
         stemming

рабочих,
                     крестьян
                     и солдат-рубак:
 — Трудно
                     будет
                     республике без Ленина.
 Надо заменить его —
                     кем!
                     И как!
 Довольно
                     валяться
                     на перине клоповой!
 Товарищ секретарь!
                     На тебе —
                                     вот —
 просим приписать
                     к ячейке еркаповой
 сразу,
                     коллективно,
                     весь завод... —
 Смотрят
                     буржуи,
                     глазки раскоряча,
 дрожат
                     от топота крепких ног.
 Четыреста тысяч
                     от станка
                                     горячих —
 Ленину
                     первый
                     партийный венок.
 — Товарищ секретарь,
                     бери ручку...

burns
                     in the army,
                                     at the lathe,
   at the plough:
 it'll be hard for the Republic
                                     without Lenin.
 He's got to be replaced,
                                     but by whom
   and how!
 "Enough of dozing
                                     on bug-ridden mattresses!
 Comrade secretary,
                                     here's
   our application:
 put down
                     the whole of the factory
 on the membership list
                                     of the Party organisation."
 Cold sweat
                                     comes oozing
   from bourgeois flesh
 as they watch on,
                                     grinding
   their teeth.
 400,000
                     from the workbench
                                     fresh—
 could the Party
                                     bring Lenin
   a welcomer
   wreath!
 "Comrade secretary,
                                     where's your pen!

Говорят — заменим...

Надо, мол...

Я уже стар —

берите внучика,

не отстаёт —

подай комсомол. —

Подшефный флот,

подымай якоря,

в море

пора

подводным кротам.

«По морям,

по морям,

нынче здесь,

завтра там».

Выше, солнце!

Будешь свидетель —

скорей

разглаживай траур у рта.

В ногу

взрослым

вступают дети —

тра-та-та-та-та

та-та-та-та.

«Раз,

два,

три!

Пионеры мы.

Мы фашистов не боимся,

пойдём на штыки».

Replace means replace—

why squander words!

If you think I'm too old,

here's my grandson then;

Y.C.L.-er,

one of the early birds!"

Ahoy,

my Navy,

get into motion!

Off on your missions,

submarine moles!

"Over sea

and over ocean

travel sailors,

merry souls!"

Hi there, Sun,

come and be witness!

Hurry on,

smooth out the wrinkles of mourning.

In line with parents,

children show their fitness—

Tra-ta-ta-ta-aa-aa!

sing their bugles in the morning.

"One-Two-Three,

Pioneers are we:

We aren't afraid of fascists—

Let them come and see!"

Напрасно
     кулак Европы задран.
 Кроем их грохотом.
         Назад!
         Не смей!
 Стала
     величайшим
         коммунистом-организатором
 даже
     сама
         Ильичёва смерть.
 Уже
     над трубами
         чудовищной рощи,
 руки
     миллионов
         сложив в древко,
 красным знаменем
         Красная площадь
 вверх
     вздывается
         страшным рывком.
 С этого знамени,
     с каждой складки
 снова
     живой
         взывает Ленин:
 — Пролетарии,
         стройтесь
             к последней схватке!
 Рабы,
     разгибайте
         спины и колени!

In vain
     old Europe
         snarls like a cur.
 "Back!"
     we warn her,
         "better be wiser!"
 Lenin's
     very death
         has turned
 into the greatest
         communist-organiser!
 Over the world-wide forest
         of factory
             stacks
 like a giant banner
         the huge
             Red Square,
 millions
     of hands
         welded into its staff,
 soars
     with a mighty sweep
         into the air.
 And from that banner,
         from every fold
 Lenin,
     alive as ever,
         cries:
 Workers,
     prepare
         for the last assault!
 Slaves,
 unbend your knees and spines!

Армия пролетариев,
        встань стройна!
Да здравствует революция,
                        радостная и скорая!
Это —
        единственная
                        великая война
из всех,
        какие знала история.

1924

Proletarian army,
                        rise in force!
Long live
                        the Revolution
                                with speedy victory,
the greatest
                        and justest
                                of all the wars
ever
        fought
                in history!

1924

NOTES

- ¹ Felix Edmundovich Dzerzhinsky—then People's Commissar of Internal Affairs, staunch follower of Lenin. p. 19
- ² Historical public building in the centre of Moscow where Lenin lay in state in January 1924. p. 25
- ³ Foreign-owned engineering works in old Russia; after the revolution they were nationalised, renamed and considerably expanded. p. 29
- ⁴ Yeliseyev—big food-dealer with huge shops in Russia's principal cities. p. 31
- ⁵ Ivanovo-Voznesensk—big textile centre, scene of mass strikes and revolutionary upheavals for many years. p. 37
- ⁶ Stepan Razin—leader of a peasant uprising in the 17th century. p. 37
- ⁷ The French Prime Minister Thiers and General Galliffet headed the operations against the Paris Commune of 1871. p. 61
- ⁸ Père Lachaise—Paris cemetery where Communards were buried. p. 61
- ⁹ Alexander Ulyanov, Lenin's elder brother, a member of the Narodnaya Volya revolutionary society, was arrested

on the eve of an attempt to assassinate the tsar, and executed, after court martial, at the Shlisselburg Fortress, place of execution of many Russian revolutionaries. p. 75

- ¹⁰ Name of earliest Marxist workers' organisation in Russia, embryo of the Communist Party. p. 81
- ¹¹ Highway by which political convicts were driven from Moscow to Siberia. p. 81
- ¹² S.R.s—Socialist-Revolutionary Party, a petty-bourgeois organisation preaching individual terror; after the October Revolution it degenerated into a gang of plotters opposing Soviet power. p. 85
- ¹³ Russian Communist Party (Bolsheviks)—name used from 1918 to 1925. p. 87
- ¹⁴ On January 9, 1905, the gendarmes, killing hundreds, scattered a peaceful manifestation carrying a petition to the tsar. The priest Gapon, its leader, had organised a whole system of police-sponsored workers' circles, spreading the belief that the tsar was unaware of their miserable conditions. p. 95
- ¹⁵ Mukden, Tsushima—sites of land and naval battles in the Russo-Japanese War (1904-05), where tsarism sustained military defeat from the Japanese; one of the main events that set off the revolution of 1905, disclosing the decay of the regime. p. 95
- ¹⁶ Presnya—industrial district in Moscow where first street-fighting began in 1905. p. 95
- ¹⁷ On October 17, 1905, the tsar issued a manifesto promising certain civil rights—a subterfuge aimed at allaying popular indignation. p. 97
- ¹⁸ Admiral Dubasov—governor-general of St. Petersburg, headed operations against the insurgent workers. p. 97

- 19 Cheka—Extraordinary Commission headed by Dzerzhinsky, crushed counter-revolutionary plots in the first years of Soviet power. p. 99
- 20 Some of the intellectuals earlier supporting the revolutionary cause lost heart after the defeat of the revolution and abandoned the militant principles of the movement, indulging in "God-seeking", i.e., religious mysticism. p. 99
- 21 Georgi Plekhanov—prominent Marxist scholar and theoretician, who in 1905 drifted to the right and broke with Lenin; founded the opportunist Menshevik faction in Russian Social-Democracy. p. 99
- 22 Poltava (Ukraine, 1709) and Plevna (Bulgaria, 1877)—cities near which big historic battles were won by Russian forces. p. 103
- 23 The international socialist conference held in Zimmerwald (Switzerland, 1915) took a resolute stand against the imperialist war. p. 105
- 24 Dynastic name of German Kaiser Wilhelm II. p. 113
- 25 Nevsky Prospekt—central thoroughfare of Petrograd. p. 113
- 26 Milyukov—minister in the Provisional Government, nicknamed Dardanelsky (derived from Dardanelles) for his part in war propaganda. In 1917 he was one of many who attempted, brutally, to curb mounting public discontent. p. 115
- 27 Boris Savinkov—provocateur, one of the leaders of the S.R. Party; after the revolution headed several counter-revolutionary plots. p. 117
- 28 Mensheviks—opportunist minority in the Russian Social-Democratic Labour Party. The Tell-Tale Cat—folklore cat that could speak and tell stories. p. 117

- 29 Liteiny Prospekt—one of Petrograd's main streets. p. 117
- 30 Kshesinskaya—prima ballerina of the Mariinsky Theatre, the tsar's favourite whose palace, a present from the tsar, was taken over by the revolutionary masses. p. 121
- 31 On July 3-4, 1917, Petrograd workers, soldiers and sailors held a peaceful demonstration demanding complete transfer of power to the Soviets. It was dispersed by gunfire at the orders of the Provisional Government. p. 123
- 32 Kerensky, A. F.—Socialist-Revolutionary; from July 1917 headed the bourgeois Provisional Government. In August 1917 Premier Kerensky ordered Lenin's arrest, secretly planning his murder. p. 123
- 33 Zinoviev, G. Y.—joined the Russian Social-Democratic movement in 1901. After the Second Congress of the R.S.D.L.P. (1903) Zinoviev joined the Bolsheviks. After the revolution, one of the organisers of the anti-Party Trotsky-Zinoviev bloc. In 1934 was expelled from the Party for his anti-Party activities. p. 123
- 34 Smolny—historic building accommodating the Petrograd (now Leningrad) Soviet; headquarters of the October uprising. p. 129
- 35 Trotsky, L. D.—headed the Centrist trend in Russian Social-Democracy. On the eve of the October Revolution joined the Bolshevik Party. After the October Revolution occupied a number of leading posts; was member of the Political Bureau of the Party Central Committee and of the Executive Committee of the Comintern. In the 1920s headed the opposition elements fighting against the general Party line, against the Leninist programme of socialist construction. In 1927 Trotsky was expelled from the Party and in 1929 was banished from the country for anti-Soviet activities and deprived of Soviet citizenship. p. 131
- 36 "Aurora"—famous battleship whose salvo signalled the beginning of the revolution. p. 131

- ³⁷ Dukhonin and Kornilov—white generals, Guchkov—Minister in the bourgeois Provisional Government; leaders of the planned coup aimed at preventing the imminent revolution. p. 137
- ³⁸ Decrees on Peace and Land and Decision on the Formation of a Workers' and Peasants' Government—the first to be issued by the revolutionary authorities. p. 137
- ³⁹ The young Soviet Government was forced to sign the unequitable Brest Treaty with the Germans, which lasted only until November 1918, when the revolution in Germany overthrew the Kaiser. p. 143
- ⁴⁰ Cartoons of the Civil War depicted imperialism as a many-headed monster out to devour the Soviet Republic. p. 143
- ^{41, 42, 43} General Denikin headed the first whiteguard onslaught from the South; soon after his defeat, Baron Wrangel entered the Ukrainian steppes from the Crimea. Admiral Kolchak led the white armies based in Siberia. With equipment and financial backing from abroad, they successively and simultaneously attempted to smother the Soviet Republic, the results of which are known. p. 145
- ⁴⁴ Allusion to an attempt on Lenin's life by the S.R. terrorist Kaplan who chose the moment when Lenin was leaving a workers' rally at the Michelson engineering works in Moscow, August 1918. p. 147
- ⁴⁵ Kulaks—wealthy peasants exploiting hired labour; during the Civil War famine they hoarded grain, concealing it from the Soviet authorities and aggravating the situation. p. 149
- ⁴⁶ Abbreviation for the New Economic Policy proclaimed by Lenin, envisaging temporary permission of free private commerce, proposed to help the economy recuperate; the key position in the economy were retained by the proletarian state. p. 153

- ⁴⁷ Mamontov—whiteguard general, notorious for his brutality. p. 165
- ⁴⁸ Mikhail Ivanovich Kalinin—one of the oldest followers of Lenin; Chairman of the All-Russia Central Executive Committee and later of the Presidium of the Supreme Soviet of the U.S.S.R. p. 167
- ⁴⁹ Nadezhda Konstantinovna Krupskaya—Lenin's wife, staunch Bolshevik. p. 185
- ⁵⁰ Spasskaya—Kremlin clock-tower. p. 191
- ⁵¹ Muralov, N. I.—joined the Party in 1903. After the October Revolution, member of the Collegium of the People's Commissariat of Agriculture; commander of the Moscow Military District. In 1927 was expelled from the Party for his anti-Party activities. p. 195

Translated from the Russian
by *Dorian Rottenberg*.

Designed by *Y. Kopylov*

REQUEST TO READERS

Progress Publishers would be glad to have your opinion of this book, its translation and design and any suggestions you may have for future publications.

Please send all your comments to
21, Zubovsky Boulevard, Moscow,
U.S.S.R.

First printing 1967. Second printing 1970

Printed in the Union of Soviet Socialist Republics

В. Маяковский. Владимир Ильич Ленин

На английском и русском языках

